

АЛЕКСАНДР ГУЛИЧЕВ

A portrait of a man with a split face, one side in shadow and one side lit, holding a book with Russian text. The man's face is vertically bisected by a vertical line. The left side of his face is in deep shadow, while the right side is illuminated, showing his eyes and features. He is wearing a dark blue hooded garment. He holds a dark book with gold lettering in front of his chest. The background is black.

ЗДРАВСТВУЙТЕ,
МЕБЕ ПОЛЬ!

2022

Александр Гуличев

Здравствуйте, мсье Поль!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69001009

SelfPub; 2023

Аннотация

Бизнесмен средних лет Петр, подхваченный мистическим вихрем в тихом московском парке, буквально падает с неба на брусчатку средневекового города! Теперь его зовут Поль, он – свидетель (только непонятно – чего), а незнакомец в маске дает ему и его товарищу по несчастью, немолодому французскому журналисту Аарону, странные задания. Герои перемещаются из века в век и знакомятся с людьми, о которых только в книгах читали: с Жанной Д'Арк, Леонардо да Винчи, Иммануилом Кантом, Нострадамусом и даже с настоящим Дон Кихотом! Что это, странная игра разума или реальность? И смогут ли герои вернуться к родным? Это и предстоит узнать читателю.

Содержание

Предисловие	4
Пролог	9
Глава 1	14
Глава 2	42
Глава 3	58
Глава 4	70
Глава 5	83
Глава 6	100
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Александр Гуличев

Здравствуйте, мсье Поль!

Предисловие

Я стоял и смотрел вдаль, желая что-то разглядеть, хотя не совсем понимал, что именно. Впереди была абсолютная пустота, вернее, бескрайнее голубое море, оно переходило в небо точно такого же цвета. Чёткой границы между двумя стихиями не было, и создавалось ощущение, будто находишься в синеве безбрежного космоса. Только я словно бы стоял на палубе огромного океанского лайнера, а не на космической станции. Я пытался с головой погрузиться в воспоминания, сердце щемило, но разум не давал выхода некогда пережитым событиям.

Спустя какое-то время рука жены опустилась на моё плечо, а затем скользнула на правую лопатку, нащупывая и глядя большой бугристый шрам. Я передёрнулся и резко убрал её руку, но тут же опомнился, повернулся и нежно обнял мою любимую, поцеловал её в щеку, а потом – привычным движением – в левую половину её чудного лба. Жена посмотрела на меня и заплакала, я прижал её к себе и тяжело вздохнул.

– Я хочу вина, пойдём выпьем, – предложила она немного

обиженно.

– Хорошо, ты иди, я догоню, – ответил я.

Она отвернулась и собралась уходить, я остановил её, взяв за руку. Мы снова стояли и смотрели в глаза друг другу, и только ветер сдувал слезы с её щек.

– Если бы ты знал, как я за тебя переживаю. И люблю сильно. Очень сильно, – прошептала жена и всхлипнула.

– И я тебя люблю сильно-сильно и прошу ни о чём не волноваться. Когда придёт время, я тебе всё расскажу, наберись терпения. А сейчас пусть нам будет просто хорошо! – ответил я и, отпустив её, повернулся в сторону моря.

Много раз я садился за стол, на котором лежали листы бумаги и стоял стакан с карандашами и ручками. Теребя в руках письменные принадлежности, я пытался попробовать описать то, что произошло со мной. Было страшно довериться бумаге историю, которая меня самого до сих пор повергает в шок при одном только воспоминании о ней. Да, я долго не мог набраться смелости не только изложить в письменной форме, но и даже рассказать кому-нибудь об этих странных событиях, хотя времени с тех пор прошло немало.

Детали моего приключения уже начали стираться из памяти, словно сюжет давно виденного фильма. Я понял, что больше откладывать невозможно, и решился. Решился написать. Но так как я помнил не так много, как хотелось бы, приходилось часами медитировать, мысленно блуждая по закоулкам своего тела. Теперь я придавал большое значение по-

гружению в подсознание. Медитируя, я пытался вытащить из памяти разные мелочи, сосредоточивался на деталях, записывал их на листе бумаги, а уж затем начал пробовать излагать свою историю в форме коротких рассказов. Получалось плохо, неумело, и я бросал всё, затем брался вновь. Не знаю, зачем я это затеял, ведь можно было плюнуть и забыть, скрыть и никому никогда не рассказывать о пережитом, но это давалось очень непросто. Забыть такое почти невозможно.

Понимая, что топчусь на месте и не получаю должного результата от своих любительских медитаций, я решил попробовать регрессивный гипноз. Работая с гипнотерапевтом, я очень ясно ощутил, что это помогает и процесс вспоминания значительно ускорился.

Со временем я внёс коррективы в свой творческий процесс. Теперь я отказался от карандашей и ручек, прикрывал дверь кабинета, вставлял флэшку в компьютер и учился печатать на нём. Вначале получалось неумело, но чем дальше, тем лучше я овладевал этим навыком. Что интересно, во время печати я как бы синхронизировался со своими воспоминаниями, поэтому процесс пошёл быстрее. Да и медитация с гипнозом помогли. Теперь я садился не просто вспоминать, но работать, и уже особо не напрягался, выуживая информацию из подсознания. Писалось так легко, словно кто-то диктовал мне текст, я уже не нервничал, а просто фиксировал события.

Жена начала задавать вопросы, она заметила, что моё поведение изменилось. Я уклончиво отвечал, что сел за сочинительство фантастических рассказиков, чего-то наподобие «Незнайки на Луне».

Печатал я, как правило, на работе. Ну, потому что мне было так удобнее, да и подчинённые редко заходили в кабинет, если только подписать документ или поставить печать.

И вот наконец повесть закончена. Прежде чем представить её на суд читателя, я бы хотел дать несколько пояснений. В моих текстах иногда можно встретить слова или предложения на разных европейских языках, переводить их придётся самому читателю. Это не писательский каприз, просто я решил некоторые «вещи» оставить такими, какими я их запомнил в «оригинале». Это может быть даже интересно, во всяком случае, я так решил, так как видел такой приём у некоторых известных авторов.

Возможно, кому-то покажется, что текст написан не слишком ярко, без метафорического завораживающего описания природы или чувственных переживаний. Да, я не профессиональный писатель, я лишь пробую изложить произошедшее со мной, поэтому назовём всё это фактологическим изложением событий, так, наверно, будет честнее по отношению к себе и к тому, кто будет держать эту книгу в руках. Для меня важнее то, что на теле сохранились памятные метки о тех днях – шрамы да поломанный нос – и то, что иногда, когда я вспоминаю о своих приключениях, у меня в горле

наливается огромный горький ком, и я непроизвольно начинаю плакать. Обычно это происходит, когда подолгу стою в ванной комнате и смотрю на своё отражение в зеркале – глаза в глаза.

Принять или не принять, понять или не понять меня и мои эмоции, усомниться или довериться – дело читателя. В этой ситуации уместна будет фраза одного из моих любимых актеров Евгения Леонова, произнесенная им в фильме «Полосатый рейс»: «Хочешь верь, хочешь не верь, а дело было так...».

Пролог

«...На свете всё не бесконечно,
От океана до ручья,
Но если что-то в мире вечно,
То это Родина моя...»

Идя домой по парку, я почему-то вспомнил именно это место из стихотворения Евгения Евтушенко и, остановившись там, куда уже не доставал свет фонарей, поднял воротник пальто и запрокинул голову. Мой взгляд впился в чёрное глубокое небо, ярко усеянное звёздами. Я замер, не моргая, глядя на Млечный Путь...

– И где же ты, моя Родина, там ли, здесь ли? – произвольно пронеслось в моей голове, и я поймал себя на том, что произнес её вслух.

Смутившись, я резко обернулся. Слава Богу – никого, а то подумают, что мужик совсем спятил. Я снова запрокинул голову и, постояв так ещё какое-то время, ощутил дискомфорт: ого, да я по щиколотку стою в луже! Выбравшись из неё, я попрыгал, стряхивая воду и бубня, что с возрастом становлюсь невнимательным и рассеянным.

Спешить было некуда. Нет, я не одинок, у меня, слава Богу, семья, работа, друзья. Я был доволен своей жизнью, поэтому и не хотелось никуда спешить. Меня всегда влекло именно такое чёрное глубокое небо, в нём можно было на-

блюдать не только яркие звезды и пролетающие спутники, но и неопознанные летающие объекты. Да вообще, иногда человеку просто нужно побыть наедине с самим собой, что-то осмыслить, что-то взвесить, подвести итоги. Особенно если ему уже почти пятьдесят годков, да и помечтать никогда не поздно, правда, мечты уже гораздо более земные, чем в молодости. Понимая, что время уходит и уже работает против тебя, ощущаешь дисбаланс, будто ты раздваиваешься. Споришь порой сам с собой, ища ответы на вопросы. Вопросов всё больше, а ответов всё меньше.

Пройдя где-то километр по парку, я уединился на удобной лавке, закинув ногу на ногу. Благо ещё только начало октября, поэтому совсем не холодно. Набрал сообщение жене, что немного задержусь решать вопросы по новому контракту с поставщиком, отключил телефон, бросил его в портфель, закурил сигарету и, смачно затянувшись, выпустил вверх столбик дыма.

Я сладко потянулся от осознания того, что сегодня мой вечер, вечер любования небом и слушания вечернего парка. Именно в этой части парка всегда немногочленно, видимо, потому что здесь почти нет освещения. Сюда почти не заходят мамы и бабушки с детьми, да и компании выпивох, как ни странно, это место так и не облюбовали. Люди писали властям жалобы на отсутствие света, а что толку? Слава Богу, хоть дворники регулярно убираются, поэтому всегда чисто.

Ну да ладно, я взглянул на часы. Полночь. Снова поправил воротник. Сев поудобнее и положив голову на спинку лавки, мечтательно посмотрел в чёрный океан Вселенной. Прикрыл глаза, и вдруг по моему лицу пробежал тёплый ветерок, будто кто-то нежно провёл по нему рукой, тут же я уловил отчётливый запах свежих яблок. Вернее, не просто яблок, а цветущего яблоневого сада. Резко открыл глаза – никого. Странное, но знакомое ощущение. Иногда, когда я путешествовал по странам и континентам, такое со мной происходило. Всегда в такие моменты я начинал судорожно оглядываться по сторонам, ища источник запаха и тёплого дуновения.

Вот и сейчас я взмахнул руками, встал и осмотрелся. Пусто. Снова закурил, сделал пару затяжек, но ощутил не привычное удовольствие, а напротив, отвращение. Бросив сигарету в урну, я сел на лавку, но настроение сбилось, как волна в радиоприёмнике.

Я ощутил, что атмосфера вокруг стала накаляться, уплотняться, что ли, в пространстве будто образовался вакуум. Со мной нечто подобное уже происходило несколько раз. В такие моменты становилось очень страшно, мне казалось, что я внезапно оглох. Выйти из этого состояния обычно помогала таблетка «Но-шпы».

Вдруг я уловил нарастающий гул и в этом гуле едва слышал какое-то слово. Произнесено оно было гортанным голосом, я такой звук раньше слышал, так поют тибетские

монахи и ещё шаманы народов Севера. Вот опять, ага. Не разобрать, шум в ушах, адреналин зашкаливает, сердце от волнения отбивало, наверное, больше ста ударов в минуту. Я широко открыл рот, чтоб перещёлкнулись клапаны в перепонках – нас так в армии учили делать во время выстрела из гаубицы, чтобы не оглохнуть. Вот опять, ага, ещё раз. Я затаил дыхание.

– Свидетель! – теперь уже более-менее отчетливо расслышал я. Что за чертовщина? Мысли стали путаться. Какие теперь звёзды, какие НЛО и мечтания со смачными затяжками вкусным дымом? Нужно встать и бежать домой, скорее домой отсюда. Мне стало страшно, может, со мной что-то не так? А вдруг инсульт или какая-то внезапно начавшаяся психическая болезнь? Домой, бегом домой. Но я не мог пошевелиться, тело будто парализовало.

– Свидетель! – слово громогласно прозвучало с неба и многократным эхом разлетелось в разные стороны.

— Какой на хрен свидетель, с ума сошли, что ли? – неистово заорал я и ногтями впился в деревянную скамейку, вертя головой по сторонам.

И тут я чуть в штаны не напустил от страха: всё вокруг начало медленно вращаться, и только я оставался неподвижным в середине этого зарождающегося смерча. Смерч издавал звуки динамо-машины, всё набирал и набирал обороты, словно центрифуга, вокруг меня всё летало, вращалось, сверкало, и били молнии.

Вдруг в один миг мир резко остановился и замер, наступила тишина.

– Свидетель! – совсем уж как громовержец прокричал невидимый шаман, я закрыл глаза и ...

Глава 1

Проводник

Я упал плашмя откуда-то сверху в вязкую грязную жижу, сильно ударившись всем телом. Было очень больно, я почувствовал, как горячая кровь потекла из носа и из разбитых губ. С трудом поднявшись на ноги, попытался понять, где очутился. Только что сидел и курил на лавке в парке недалеко от дома, а теперь стою непонятно где, весь израненный, чуть ли не по колено в грязи.

Дождь быстро смывал с меня грязь, я, преодолевая боль и вытянув руки, как слепец, пошёл прямо и упёрся в каменную стену. Вынужденно остановившись, поднял голову: надо мной то ли навес, то ли балкон. Глаза ещё не совсем привыкли к мраку, я щурился, пытаюсь оглядеться. Голова немного кружилась, мысли путались, но почему-то было совсем не страшно. Наверное, от боли, из-за путаницы в голове и от непонимания происходящего. Или от шока. Я слышал, такое бывает.

Откуда-то справа послышался нарастающий грохот, он всё приближался, пока не стали различимы силуэты всадников. Мимо меня промчалось несколько наездников с факелами в руках на гигантских, как мне почудилось, лошадях. Большая кошка с диким криком перебежала им путь, затем уселась напротив меня и начала нагло фыркать.

«Какие всадники, какие лошади? Откуда? Кино снимают?» – первое, что пришло мне в голову. Я грязно выругался, спиной вжался в камни и наощупь, по стеночке, стал двигаться куда-то влево. От дождя стало холодно, и я с трудом перебирал босыми ногами по грязи: почему-то я оказался в этом странном месте без ботинок.

Дождь слегка утих, стало возможно разглядеть улицу. Вдоль дорожки стояли невысокие домики, плотно прижатые друг к другу, и горело несколько тусклых фонарей. Кто-то громко рыгнул и харкнул из окна сверху, и где-то там наверху завизжала и расхохоталась женщина. В эту же секунду позади меня метрах в ста раздался неистовый крик: «Au secours, au secours!». Затем послышались какие-то то ли шлепки, то ли удары. Мне стало не по себе, и я прибавил шагу, прижимаясь к стенам зданий.

Неожиданно из-за угла вышло несколько человек, и я, затаив дыхание, успел присесть за кучу каких-то корзин и ящиков, от которых дурно пахло. Люди шли и негромко ругались, кто-то хихикал.

Ко мне начало приходить осознание происходящего. Как минимум, я понял, что уже не дома, не в моём родном городе. Тело затрясло, как при Паркинсоне, то ли от холода, то ли от жуткого страха и паники. Я рукой нащупал какую-то тряпицу, прикрыл ею голову и плечи, но теплей не стало! Откуда-то из темноты выскочил огромный пёс и, радостно повизгивая, принялся лизать моё грязное лицо. Я, отмахива-

ясь, шлёпнул его по заднице, и он вприпрыжку побежал в сторону всё ещё сидящего возле дороги кота.

Стоп, что со мной произошло? Я только присел отдохнуть, покурить и помечтать, как меня чем-то ударили и бросили в грязь! Почему я босой, и на мне несуразная грубая мешковина? Мысленно анализировал я своё положение, прикрыв нос от вони и разглядывая себя.

Вдруг совсем неподалеку слева со скрипом открылась дверь, из-за которой показался, пригнувшись, какой-то человек. Я мысленно сравнил его с Джузеппе, другом папы Карло, из кинофильма про Буратино – так он был на него похож. «Джузеппе» стоял, держа в руке лампу и вращая ею, словно сигнализируя мне.

– Monsieur, venez ici, – негромко сказал человек и поманил рукой.

Я огляделся по сторонам и решил, что эта фраза адресована мне, так как больше никого вокруг не было.

Встать оказалось непросто, я был очень слаб и напуган, поэтому на четвереньках пополз в сторону человека с лампой. Кое-как дополз до ступенек, там «Джузеппе» помог мне встать на ноги. Я опёрся о плечо моего спасителя и взглянул в его лицо: глаза мужчины были полны слёз.

Человек подхватил меня под локоть и с силой втолкнул в помещение, быстро захлопнув за нами дверь.

– As-tu vu quelqu'un? – прокричал кто-то издалека.

– It n'y a personne! – ответили ему хриплым голосом, и

человек, который завёл меня в дом, своей рукой закрыл мне рот, боясь, видимо, что я могу что-то брякнуть.

Но сил что-либо сказать или сделать у меня не было, в глазах потемнело, и я вырубился...

Очнулся я, лёжа на спине, и с закрытыми глазами в полудрёме слушал какие-то звуки. Параллельно пытался в подробностях вспомнить ужасный сон, где мне, видимо, накостыляли какие-то хулиганы, обобрали и бросили в подворотне, ещё я вспомнил каких-то кошек, собак и лошадей.

«Наверное, как всегда, не выключил телевизор!» – подумал я и попытался нашарить рукой пульт, но почему-то нашупал грубую овечью шкуру. От неожиданной находки я мгновенно проснулся и попробовал встать, но из-за боли в теле подняться не получилось. Через силу я руками дотянулся до лица, протёр слипшиеся глаза, затем приподнялся на локтях и оглядел место, в котором оказался.

Я лежал в комнате размером примерно в тридцать квадратных метров, с крутой лестницей, уходящей вверх в темноту. Слева была то ли печка, то ли очаг, возле которого крутилась какая-то девица лет двадцати пяти, а справа от двери за большим столом что-то делал человек, которого я окрестил вчера вечером Джузеппе.

Я пару раз кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание, и они оба уставились на меня. Внезапно я понял, что лежу совершенно голый. Оглядел себя: тело моё «прикрывал» огромный чёрный синяк во весь живот, колени и руки были

разбиты. Я ощупал лицо и обнаружил, что губы и нос припухли.

– Хеллоу, – буркнул я, выпучив глаза.

– Слава Богу, пришёл в себя! – ответил «Джузеппе».

– И долго ты будешь любоваться этой неземной красотой?

Может, дашь что-нибудь из одежды? Где мои вещи? – дерзко спросил я и натянул на себя овчину.

– Ты проспал трое суток и, слава Богу, пришёл в себя!

Какое счастье, что я дождался тебя! – ликовал хозяин дома.

Кашлянув пару раз, я сказал ему, что не могу ответить взаимной радостью видеть их, совершенно незнакомых мне людей, и тем более в незнакомом месте.

Меня тревожило кое-что ещё: я был крайне удивлён тем, что понимаю «Джузеппе», ведь ещё недавно он говорил по-французски, о чем я догадался по произношению. Я поделился своими мыслями с приютившим меня человеком, он ответил, что и сейчас говорит на том же языке, и что здесь нормально, когда люди разговаривают совершенно на разных языках, но понимают друг друга.

Я сел на лежанке, свесив ноги вниз, и, заикаясь, попросил воды. Девушка зачерпнула из ведра, сунула мне в руки кружку, случайно облив мои голые ступни, и отбежала к печке, вылупив глаза. Самое удивительное, что почему-то я уже не чувствовал никакой паники и тревоги от происходящего. Странно.

– Не ослепни от красоты и дай нашему гостю надеть что-

нибудь подходящее! Поищи наверху в старых мешках! – рыкнул «Джузеппе» на девушку, и она, взяв свечу, ушла по лестнице наверх.

– Трое суток... Как? Меня семья потеряла, друзья, сотрудники! Они с ума сойдут! – начал причитать я, глядя на мужчину.

– Никто с ума не сойдёт, не переживай, главное, сейчас успокоиться и принять информацию как есть, иного варианта не предвидится, всё уже, как видишь, случилось! – улыбаясь, сказал хозяин дома и бросил на стол ножницы и нитки.

Пока девица была наверху, я выпрашивал у хозяина дома, что вообще происходит, и, пораженный, утверждал, что такого просто не может быть. Он ответил, что, мол, бывает и не такое, и произнес фразу, которую я тоже часто любил повторять: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам...». Я в шоке и в отчаянии закрыл лицо руками.

Девушка принесла штаны, кофту и обувь, которую обувью назвать было трудно – нечто похожее на ботинки из грубой свиной кожи. Я оделся, и мне предложили пообедать. Оглядев себя, одетого по местной моде, я ужаснулся и, еле-еле переступая от боли в теле, направился к столу.

– Меня зовут Аарон, а её Софи, но меня лучше называть Анри, мы же во Франции! – сказал хозяин и пододвинул ко мне кружку, но уже не с водой.

Я залпом выпил содержимое и попросил ещё, хотя даже

не понял, что пил. Хозяин пожал плечами и налил ещё.

– Во Франции? – зашипел я. – Это какой-то квест? Это игра какая-то? Меня друзья решили разыграть, а?

– Я в этой, как ты её назвал, игре, тебя жду уже двадцать лет. Вот успел вырастить девочку-подкидыша, которая теперь помогает мне по хозяйству! – сказал Анри, ткнув пальцем в сторону Софи, которая чем-то гремела возле печки.

– Баба твоя? – почему-то совершенно неожиданно нахамил я, кивнув головой в сторону девицы.

Сам обалдев от своей выходки, затаил дыхание и уставился на Анри. Он сглотнул, а Софи выронила с грохотом что-то из рук и, обернувшись, замерла.

У меня ужасный характер, я могу за считанные секунды довести человека либо до слез, либо до крика, за что, бывало, получал по морде. Вот и сейчас, что называется, выдал.

– Нет, ты всё не так понял, она мне как дочь, – сдержанно ответил Анри, глядя в сторону Софи.

И, помолчав, добавил хладнокровно: «Как дочь, помощница и хозяйка». Девушка, уже придя в себя, швырнула на стол две тарелки с гороховой кашей, косо глянув на меня.

– Извините, вырвалось, сам не ожидал... Я порой веду себя непредсказуемо, могу сказать такое, что люди икают! – потупив взор, сказал я.

– Как тебя зовут? – спросил Анри.

– Пётр меня зовут. Во всяком случае, у меня дома в России так звали! – ответил я, поморщившись от боли во всём

теле и погладив живот.

– Для здешних мест никакой ты не Пётр, ты теперь будешь Польш! – ухмыльнувшись, ответил Анри.

– Ну Польш, так Польш, а дальше-то что? Жить-то как? Для моих я умер, получается?! – спросил я и, с трудом поднявшись, направился в сторону лежанки.

– Ты поправляйся, приводи себя в порядок. Софи поможет, а я в процессе буду рассказывать тебе подробности происшедшего с тобой! – ответил Анри и вышел за дверь на улицу.

Софи с неприязнью посмотрела на меня, я сделал кислую жалобно-извиняющуюся гримасу, и она, улыбнувшись, махнула рукой.

Мысли о семье, о жене и детях не покидали меня, и бизнес у меня свой... Мне страшно было представить, сколько слёз там льётся, и сколько таблеток пьётся. Я попал в статистику – ежегодно в России без следа исчезает до ста тысяч человек. Просто бесследно. Вот и я подевался куда-то, словно тот мячик, который уронили в речку.

Стоп. Каша, лохмотья, шукура, мешковина – что это? Это не моя страна, я вроде понял, но почему Франция-то? А время, время какое? Я похолодел. На меня неожиданно напал страх, начался приступ паники, хотя такого никогда не бывало, и я повёл себя как минимум неадекватно.

– Негодяи проклятые, вы мне за всё ответите! – закричал я, глядя в потолок.

– Где он, этот папин друг, куда он делся? – снова заорал я и вороном зыркнул на Софи.

– Какой папин друг? – испуганно зашептала Софи и села на скамейку.

– Джузеппе, друг папы Карло, отца Буратино, он же Анри, он же Аарон! Я же точно спятил, пусть он мне выложит всё как есть! В чём подвох? При чём тут вообще ваша Франция? – хрипя, затопал ногами я.

В дом забежал Аарон. Он силой уложил меня на лежанку, укрыл одеялом и попросил не орать. Меня колотило, голова закружилась, видимо, от чего-то хмельного, что япил за обедом.

Я, видимо, провалился в сон или забытье, передо мной мелькали лица моих близких: жены, что-то мне быстро говорящей; внука, совавшего в руки автомат, чтобы я зарядил его пулями; внучки, которая, кружась, хвалилась новым клетчатым шотландским платицем; сына, друзей, коллег... И всё это кружилось и кружилось...

Затем я очнулся и, утерев слезы и пот с лица, вновь сел, свесив с лежанки свои синие ноги. Анри сочувственно посмотрел на меня и протянул кружку воды.

Новый знакомый сказал, что я не спятил. Вопросов будет много, но ответов на них у него нет. Что происходит – трудно объяснить, он сам ничего толком не понял, хотя находится здесь уже пару десятков лет.

Анри начал рассказывать о себе: до того как двадцать

лет назад свалиться сюда «с неба», он работал помощником редактора в парижской коммунистической газете «L'Humanite». Был на хорошем счету, ждал повышения по службе, у него была невеста, моложе его на пятнадцать лет. Анри собирался жениться, купить домик в пригороде Авиньона и разбить маленький садик с фруктовыми деревьями и кустами роз. В один момент все мечты провалились вместе с ним сюда. Он пропал, когда ехал на рейсовом автобусе по горной дороге в Gordes, чтобы написать небольшую статью о жизни малоимущих семей в этом старинном городке и сделать пару фото с видом на Luberon.

Конечно, его реакция на то, что произошло, была ровно такой же. Он чуть было умом не тронулся, увидев себя в рванье, но постепенно начал приспосабливаться, благо с детства был прыгунчиком и авантюристом. Самое главное, как оказалось, для жизни здесь не нужны были документы, Анри удалось сочинить правдоподобную легенду о себе, в этом ему помогло хорошее знание истории, и не только. Его легенда заключалась в том, что он якобы пришел из Монегетти, того, что поблизости от княжества Монако. Что предки его якобы были греками, они проиграли в войне семейке Гримальди и разбежались по разным сторонам света. Что он, дескать, преодолел такой большой путь, ища родню по окрестным городам. Местные верили и сочувственно качали головами. Так вроде и прижился Анри здесь, в Aix-en-Provence. А почему попал именно в этот городок, для него до сих пор остаётся

загадкой.

Вначале Анри воровал, перебивался кое-какой работёнкой то там, то там, пока случайно не обрёл этот домик. Помогал одинокой бабке, мастерице по портняжным делам, вот и остался в её доме после её смерти. Сам научился кроить и шить – этим и кормился. Рассказал, что никогда особенно не бедствовал. Было такое чувство, что всегда находился под покровительством какого-то невидимого надзирателя.

Однажды ночью в дверь постучали, на пороге стоял крепкий коренастый месье вроде меня, только в маске на всё лицо, Анри его впустил. Человек сказал, что Анри – Проводник, ему нужно ждать Помощника, которого скоро пришлют, и, позднее, Свидетеля. Затем ушёл. На следующее утро, когда Анри проснулся, на пороге лежал младенец, завёрнутый в тряпицы. Видимо, тот самый будущий Помощник, о котором говорил незнакомец.

– Получается, я Проводник, а ты Свидетель, которого я жду все эти годы, да и Помощника, видишь, какого воспитал! – сказал Аарон, с улыбкой глядя на Софи.

Чего я свидетель – Анри не знал. Он попросил меня рассказать о себе, и я, уложившись минут в пятнадцать, посвятил его в перипетии моей жизни. Проводник поцокал языком и, не сказав ни слова, тяжело вздохнул. А затем рассказал, что его дядя Альбер Дюран служил в части Normandie-Niemen, воевал плечом к плечу с русскими против немецких оккупантов. По рассказам дяди Анри знал о том, что русские

не скупятся на слова, поэтому не обиделся на мои глупые вопросы, резкие высказывания и крики.

Я внимательно оглядел Софи. Не скажу, что она была некрасива, нет, она была простовата, что ли, её типаж напоминал мне Олесю Железняк, удивительную актрису театра и кино. Пока Анри рассказывал свою историю, я начал потихоньку успокаиваться и, кажется, снова чуть задремал. Почему-то всё время хотелось спать. Голова была словно не моя.

– Mon plaisir, сделай нам чаю! – сказал Анри, и Софи послушно зачерпнула воды, а я потихоньку встал и направился к столу.

– Ты интересовался, почему Франция... Да я и сам не знаю, ведь я как бы «дома», – размышлял Анри и задумчиво смотрел в потолок.

Затем он рассказал, что тот человек, который предупредил о приходе Свидетеля, приходил ещё несколько раз. В одно из своих посещений он сообщил о том, что вернётся с инструкциями и принесёт какой-то предмет, как только явится Свидетель.

– Так что будем ждать. Зализывай раны, Поль! – ухмыльнулся Проводник, а Софи запалила новую свечу и принялась стирать бельё.

– М-м-м, а какое нынче число? – спросил я, закинув руки за голову, и потянулся от удовольствия, хотя болело всё ужасно.

– А я разве не сказал? – удивился Анри.

– Нет, не сказал.

– 10 октября 1427 года от Рождества Христова! – сказал Анри и почесал бок.

Я упал со стула, облившись горячим чаем, и застонал от боли.

– Нет ли у вас икон помолиться, чтобы разум мой не ослаб от такого количества безумно интересной информации? – выдал я, со слезами на глазах глядя на Анри и Софи.

– Нет, и для меня синагоги здесь никто не построил, дорогой Поль, помолимся мысленно! – ответил Анри и предложил всем пойти отдохнуть.

Я улёгся, укрывшись одеялом, а поверх ещё и овечьей шкурой, Анри лёг на свою койку справа от стола, а Софи, закончив постирушки, ушла наверх. На потолке шевелился отсвет пламени свечи, стоявшей на столе, я, зевнув, спросил: «Анри, а сколько тебе лет?»

– Мне 56 лет, Поль. А тебе? – так же зевнув, спросил Анри.

– Мне 47 лет, я несколько отстал! – ответил я, и мы практически одновременно тяжело вздохнули.

Почему всё-таки Франция? Ведь меня с ней никогда ничего не связывало. Я лежал и пристально глядел в темноту, пытаюсь припомнить хоть какую-нибудь деталь, которая могла мало-мальски меня породнить с этой страной. Я вспомнил трёх мушкетеров и Жанну д'Арк, и, прости господи, Нострадамуса, и Робеспьера с Маратом, и Наполеона Бонапарта с

Винсентом Виллемом Ван Гогом, и ещё многих реальных исторических персонажей и выдуманных героев книг и фильмов. Нет, ни одного связующего звена. Да и родственников во Франции не было никогда: моя бабушка по материнской линии была полькой, а все остальные – русские да украинцы.

И почему Свидетель? Чего свидетель? Проводник... Чей проводник? Мой? Кто ты, что всё это со мной сделал? Что я натворил такого, что со мной так поступили? Что вообще происходит? И что самим придётся решать? Я начал проваливаться куда-то, а вопросы всё сыпались и сыпались из небытия, но главный вопрос перекрывал другие и эхом возвращался: «Почему? Почему? Почему?».

Я проснулся чуть свет с надеждой, что дурной сон позади, и жена поманит меня чудным запахом свежесваренного кофе. Заорал петух. Я рукой погладил овечью шкуру, и мысль о кофейном напитке исчезла. Продрал глаза и посмотрел в полумрак комнаты. Анри свесил свои худые ноги с койки, а Софи спускалась сверху, покрывая волосы чепцом.

Я всем пожелал доброго утра и, получив ответ, спросил об удобствах. Удобства оказались на выходе с чёрного хода, возле перегородки от соседей. Там была дырка в земле, обложенная плоским камнем, и кадка, которая наполнялась дождевой водой с крыши.

После утреннего туалета я был напоен чаем из какой-то травы и накормлен куском серого хлеба. Софи достала из-за короба два яблока и, обтерев их о фартук, сунула нам с

Анри.

– Ого, откуда такой десерт? – улыбаясь, спросил Анри.

– На базаре умыкнула третьего дня! – ответила Софи и покраснела.

Анри попросил её больше так не поступать, а то задаст трёпку, несмотря на то, что она уже совсем взрослая. А я, поев и сходяв по нужде, всё лежал в дремоте и совершенно ничего не хотел делать. Тело стало ватным и слабым, и я, видимо, решил совершенно на себя наплевать. Но Анри не позволил мне превратиться в овощ.

Как-то Софи сказала, что ей нужно в город, и Анри настоял, чтобы я сходил с ней. Я не хотел, мне было страшно, но Проводник силой поднял меня с койки и даже сам обул. Он дал Софи несколько серебряных монет и велел ни на шаг меня не отпускать. Мне сунули в руку небольшую плетёную корзинку и на плечо для вида напялили подданный мешок.

– Поль, я тебя очень прошу ничего и никому не говорить. Твой лексикон пока не для здешних мест. Если что, за тебя всё скажет Софи, и бодрись, пожалуйста, по-другому нельзя! – настаивал Анри.

Затем он попросил нас запомнить, так, на всякий случай, что я его дальний племянник с восточного побережья, юродивый с нарушением речи, якобы в детстве неудачно упавший с лестницы и теперь практически не могущий разговаривать, но способный к работам «подай-принеси», или «копай глубже-кидай дальше».

– Будут спрашивать, мычи, дорогой племянник... Ой, да на тебя внимания-то особого не обратят, стар ты уже, как и я! – хохоча сказал Анри и махнул рукой в сторону двери.

Я передёрнулся от его слов о старости, но не стал ничего отвечать «дяде».

Мы с Софи вышли на улицу, залитую южным солнечным светом. Немного прошли по незнакомой улице. Я, конечно, был поражён здешним пейзажем, который отдалённо был мне знаком только по фильмам. Я попросил Софи немного подождать и осмотрелся.

Голова закружилась, я прижался к стене, повернул голову в сторону солнца и закрыл глаза. Постояв некоторое время, жмурясь от яркого света, я ещё раз огляделся по сторонам. Да, совсем недавно я рассекал по проспектам на неприличной скорости на своём шикарном авто, сыпля пеплом сигарет и кидая окурки в окошко, слушал забойную музыку. Дома, конечно, комфорт: вот тебе туалет с биде, ванна с пузырьками, микроволновка. По выходным я с женой любил прогуляться по огромным магазинам, посидеть в «Чайхоне №1», что в ТЦ «Западный» на Рублёвке, перекусить и попить капучино с диковинным пирожным, а тут...

А тут – грязная узкая дорожка, местами выложенная брусчаткой, по которой ходят средневековые люди, ведя на поводе кто лошадь с телегой, кто навьюченного осла. Жуть какая! Каменные домики, прижатые друг к другу, сверху перетяжки с сохнущим бельем. И вонь. Какая жуткая здесь вонь!

Справляя нужду, как я понял, прятаться особо и не нужно было, туалет, как говорится, везде, поливай, сколько хочешь – вот тебе и Европа.

Пока я стоял в забытьи, вспоминая дом, меня чуть не сшиб наездник на большом коне и больно стеганул плёткой по голове и спине. Кровь залила глаза и потекла горячей струёй, обильно пропитав одежду. Нам пришлось вернуться домой. Анри напоил меня вином так, что я просто вырубился. Пока я спал, он почти профессионально наложил несколько швов на раны суровой нитью, смоченной какой-то настойкой. Так закончился мой первый выход в свет. Как говорится, осмотрелся. На неделю я слёг в постель...

Шли дни один за другим, рутина стала затягивать меня, и я заметил, что привыкаю к здешнему быту, а дом и вся прежняя жизнь всё сильнее отдаляются от меня. Да и во снах я видел семью и дом всё реже и реже.

Я не хочу лишний раз описывать мои психологические и душевные переживания по поводу того нашего естественного мира, откуда я пропал каким-то неведомым образом. И тем более я не собираюсь описывать быт средневекового мира, который теперь стал и моим бытом. О нём написаны тысячи книг и снято множество кинолент, нового я сюда ничего не прибавлю. Но было одно отличие: здесь уже формировалась не история средневековой Европы, а моя личная, в которую я каким-то неведомым образом вляпался.

Помимо болезней и войн, здесь ещё время от времени лю-

товали разбойники. Анри рассказывал о пропаже людей, он подозревал, что их продавали в рабство, так как Восток был совсем рядом. А там рабство, по слухам, было в норме. Но несмотря ни на что, культура в нашем городе бурно расцвела благодаря герцогам Анжуйским и Барселонским.

Новости я узнавал на базарах и площадях города. Ещё к нам часто забегала соседка, которая была ужасной сплетницей и тараторкой, она регулярно приносила на своей юбке информацию, как сорока на хвосте. Соседка много знала, потому что её хозяйка Инез Де Буасьер была приближена к городской знати и нет-нет да рассказывала что-то своей служанке, пока та мыла её или наряжала.

Помимо всей грязи, которая творилась в этом мире, была ещё одна страшная штука – инквизиция. Людей пытали, бывало, жгли и топили. Кто доносчик, кто колдун с колдуньей, кто украл, а кто проспал. В основном, конечно, искали ведьм всяких и факиров с магами, тем не менее всё это меня не очень радовало. Инквизиторы сгоняли людей на площадь смотреть пытки и казни силком, поэтому я этих жутких спектаклей повидал сполна. Поначалу меня рвало, и я сильно болел, затем спустя какое-то время, как это ни ужасно, уже более спокойно смотрел на мучения умирающих.

Я благодарен Всевышнему, что гнев инквизиции нас миновал, не хватало ещё исчезнуть из своего мира и быть загубленным в чужом.

Однажды Анри сказал, что на самом деле людей истреб-

ляли за религиозные и политические убеждения, списывая всё на колдовство. В основном, конечно, инквизиторы занимались истреблением язычества, еретических учений и других тёмных делишек, о которых лучше умолчать.

Так текла моя новая жизнь на чужбине. Я не предполагал, что быстро начну адаптироваться и привыкать, и, играя роль, указанную мне Проводником Анри, понял очень важную вещь: молчание – воистину золото, причем очень высокой пробы. Я стал хранителем информации, ведь не тратил свою энергию на разговоры и руководствовался принципом «а Васька слушает да ест». Я молчал на людях, ко мне начали привыкать, узнавали на улицах и сочувствовали: совали то яблоко, то стакан молока на базаре и снисходительно гладили по голове или хлопали по плечу. Некоторые просили помочь что-то перенести или погрузить-разгрузить, так как видели во мне недюжинную силу от природы. За такую работу давали монетку или хлеб, а я, изображая радость, громко смеялся, брызгая слюнями. Но при этом молчал. Молчал, мычал и улыбался.

Роль дурака я научился играть отменно, а говорить приходилось только дома, да и то достаточно негромко: Анри боялся доносчиков, ибо доносы поощрялись звонкой монетой. Приходил пару раз местный начальник от графства Себастьян Пере, с пристрастием расспрашивал о моей персоне, но Анри совал ему пару монет, и он уходил довольный, выпив иной раз пинту вина. Я прозвал его «толстожопым Се-

бом» из-за грушевидной формы тела.

Скука, конечно, была жуткая, и я потихоньку стал пробовать себя в разных ремёслах: начал понемногу шить, штопать и гладить огромным утюгом, работающим на углях. В общем, из инженеров опускался всё ниже и ниже. Я в кошмарном сне не мог себе представить такое, ведь дома я тяжелее сигареты или ручки ничего в руках не держал, а говорить, насколько я был избалован женой в бытовом отношении, лучше не буду.

Затем, смастерив вершу из тонких прутьев ивы, я стал по утрам закидывать её в реку, и у нас регулярно была на столе свежая рыба. Местные мальчуганы любили наблюдать за моими действиями. Чтобы они задавали поменьше вопросов и прониклись ко мне уважением, мне приходилось иногда делиться с ними добычей. Их родители мне дали прозвище «рыбак с востока». Софи часто выменивала рыбу на баранину и яйца. Иногда мы даже тайно пировали, беря в долг вино у местного винодела. Чтобы не вызвать подозрений, не сразу с ним рассчитывались, а он никогда не отказывал нам и почему-то хитро улыбался. В общем, я стал практически местным жителем, уже никто не задавал вопросов, кто я и откуда.

Всё чаще и чаще люди говорили о войне на северных территориях, и я как-то спросил Анри, о какой именно войне идёт речь.

– Идёт столетняя война! Или ты забыл историю, мой любезный друг? Ты же уже год здесь! И не знаешь? – съязвил

Анри.

– Не забыл, мой друг! Но я больше предпочитаю изучать историю моей страны! – ответил я в унисон и нагло взглянул на него.

– Но не здесь, Поль, помни, пожалуйста, что твоя личная история разворачивается в настоящее время в совершенно ином месте, – прошептал Анри.

Я замолчал.

– Терпение мой друг, терпение! – похлопал он меня по плечу и вышел на задний двор, видимо, по нужде.

Неудивительно, что я не помнил о войне. Мы жили, как у Христа за пазухой: войны здесь не было слышно, отсюда на север отправляли обозы с продовольствием и одеждой, да и наших герцогов не особо интересовала борьба за трон и всякие там дворцовые интриги Англии и Франции.

Я набрал воды, поставил большой чайник на огонь и уселся у печки рядом с Софи.

– Всё образуется, вот увидишь, и я уверена, ты хороший! – сказала Софи и погладила меня по уже заросшей сединой щеке, тяжело сочувственно вздохнув.

Затем она взяла пригоршню травы и кинула в закипевший чайник. Позже пришел Анри, и мы сели пить местный травяной чай с серым хлебом.

Шли дни, месяцы. Так незаметно миновал год, и пошёл второй. Я уже практически совсем позабыл свой дом, лишь иногда щемило сердце. В такие минуты и часы я уходил на-

верх и выплакивался вдоволь. Иногда я слышал, как по ночам Анри нет-нет да и всхлипывал, хотя ему-то что хлюпать? Он уже тут почти четверть века, и там его особо некому ждать. Если только той невесте, о которой он упоминал. В общем, я практически привык к своей новой жизни, только одна вещь меня сильно напрягала: вокруг постоянно была какая-то дымка. Я пытался отогнать её, всё время протирал глаза, думая, что слепну.

Было тоскливо, никто не приходил с инструкциями, пока в один вечер, очень поздно, в дверь тихонько не постучали. Анри подошёл и открыл. Увидев гостя, он широко вылупил глаза. Затем, взглянув в мою сторону, резко вышел, захлопнув дверь за собой. Его не было около двух часов.

Эти два с небольшим часа тянулись, как столетия. Мы с Софи сидели в ожидании и напряжении, почти не дыша, и прислушивались к каждому шороху. Были слышны только возня мышей в доме, лай собак снаружи да наше дыхание.

Прошло много времени, прежде чем дверь открылась. На пороге стояли двое – Анри и незнакомец. Пришелец кивнул головой и оглядел Софи, а затем пристально взглянул на меня. На его лице была маска из кожи, натянутая до самых глаз, и войлочная шляпа с узкими полями. На плечах – накидка, за широким ремнём на его животе я разглядел два стилета, а за спиной незнакомца – меч или саблю. В его глазах и осанке я уловил нечто знакомое и тут же отогнал эту мысль, но тем не менее напрягся. Так мы простояли молча секунд два-

дцать.

Незнакомец попросил Анри проводить его, и они оба вышли, в глазах ночного гостя я успел уловить радость, улыбку. Да-да, именно улыбку. Раньше я немного изучал психологию и понимал, как улыбаются глаза. Когда Анри и незнакомец вышли, мы с Софи выдохнули с облегчением и грохнулись на лавки.

Анри вернулся минут через пять очень взволнованным и попросил Софи принести вина. Он разлил вино в три кружки, предложил выпить стоя, при этом сказал: «Это наша последняя ночь вместе и здесь!». Задумчиво постоял, а затем, не глядя на нас, направился в сторону чёрного хода.

– Мы возвращаемся по домам? – радостно крикнул я ему вслед.

Он не ответил, а только сильно хлопнул дверью.

Спустя некоторое время Анри вернулся и проговорил трясущимся голосом, едва сдерживая слезы: «Нет, мы с тобой уходим, но не домой. А Софи остается жить здесь, она теперь полноценная хозяйка всего-всего и вольна распоряжаться своей жизнью на своё усмотрение!».

Всё стало ясно. Теперь уже мы зарыдали все втроём и обнялись. Анри взрастил Софи, а я уже успел привыкнуть к ним обоим, они мне стали родными, так как другой родни здесь у меня не было. Я вообще не мог представить, что настолько сильно к ним привыкну.

– Давайте ложиться отдыхать, а прощаться будем завтра! –

утерев слезы, сказал хозяин дома, и мы разошлись по своим постелям.

Сон совершенно не шёл, я лежал, буравя глазами темноту, и даже не представлял, что будет дальше. Подумал о незнакомце: глаза, эти глаза... И почему они меня так удивили? М-да, я совсем потерял покой. Я уже привык к тому, что задавать лишних вопросов не нужно, Анри всё рассказывал мне, когда считал необходимым. Мысли путались, одна наползала на другую, я думал о доме и семье, о том, что будет дальше. Весь этот салат из мыслей перебивал и давил шум, шум адреналина.

Я слышал, как плакала Софи, а Анри что-то всю ночь шил и клеил вонючим клеем. Я пытался напрячь мозги, чтобы мысленно увидеть дом и семью, услышать голоса родных, но тщетно. Мысли о том, что будет дальше, не давали мне покоя, казалось, что от волнения даже поднялось давление. Так я провалялся до утра, сон не пришёл, и я, одевшись и обувшись, сел, как солдатик, на край койки, дожидаясь, когда Анри начнёт давать указания.

– Всем добрейшего утра! – бодро проговорил Анри, но в его голосе не было радости.

Мы с Софи пробормотали нечто несуразное, как дети в детском садике.

Анри попросил девушку сообразить что-нибудь поесть и собрать еды нам с собой в дорогу. Софи шмыгнула носом, в знак послушания чуть присела в реверансе и опустила глаза.

Я же спросил Анри, что мне собрать с собой, и далёким ли будет наш путь.

– Я полагаю, что путь наш будет очень далёким, что-то мне подсказывает, что путешествие наше будет и небезопасным, мы же осознаем, где мы находимся и в какие времена, – проговорил негромко Анри, вглядываясь в рассвет сквозь мутное стекло окна.

Затем он сел на койку, нагнулся и достал из-под неё большой мешок.

– Что это? – спросил я и вытянул от любопытства вперед свой длинный нос.

– Это наша одежда, друг мой! Её принес Человек в маске и рассказал нашу с тобой легенду, которой мы и будем следовать! – сказал Анри, тяжело вздохнув.

Он достал из мешка две серо-коричневые монашеские рясы из грубого сукна и выложил на стол два деревянных креста на веревках. Затем размотал тряпку и бросил на пол две пары кожаных сандалий с ремнями и переплетениями до колен.

– Ого, вот это поворот! Я такого даже и представить во снах не мог! – выпалил я и заёрзал на лавке.

Софи уже накрыла на стол и тихо, потупив взор, предложила поесть. Мы сели и молча принялись жевать нехитрый завтрак. Закончив трапезу, Анри сказал: «Софи, ты теперь будешь жить совершенно самостоятельной жизнью, ты вольна распоряжаться всем-всем, бумаги я написал, они лежат

наверху. Ты всё умеешь по хозяйству, умеешь шить одежду, ты давно всему научилась. Дерзай, выходи замуж, рожай детей, в общем, живи полноценной жизнью. Вон приглядишься к сыну винодела, он давно уже отцу прожужжал все уши про тебя!». Софи покраснела. Затем Анри сказал ей, что если кто-то будет интересоваться, нужно сказать, что мы ушли на юго-восток к побережью искать родню на старости лет, обещали вернуться.

– Софи, мы никогда не вернёмся и никогда, видимо, не увидимся больше, прости! – сказал Анри, прижав её к себе, и поцеловал по-отечески в голову.

После этого он подошёл к шкафу, немного отодвинул его, достал оттуда увесистый мешочек и положил его перед Софи.

– Это тебе! Я думаю, на безбедное существование тебе хватит, если не будешь шиковать и всем показывать, что у тебя есть деньги, будь хитрей, сама тихонько зарабатывай швейным ремеслом! – проинструктировал её Анри и повернулся ко мне.

– Так, теперь мы с тобой. У нас, как ты понимаешь, всё несколько сложнее! – выдал Анри, нахмутив брови.

– Нет, даже на грамм не понимаю, представь себе? Я тут с вами уже почти два года, но ничего вообще не понимаю! – крикнул я.

– Тихо, тихо, не нужно так расходиться, не надо истерик, я сейчас расскажу, кто мы теперь, а по пути всё остальное.

А там уж как Бог подаст! Хорошо? – выпучив глаза и надув ноздри принялся меня успокаивать Анри и предложил жакнуть по кружке доброго вина.

Я молча сел и кивнул, выдохнул воздух, налил себе и одним махом саданул грамм триста вина.

Когда я немного успокоился, Анри рассказал мне, что мы, согласно нашей легенде, монахи из цистерцианского аббатства Тороне, что недалеко от города, занимались овцеводством и разводили рыбу. И теперь по поручению отца-настоятеля следуем к святым местам за святынями для аббатства. Анри достал из-под подушки грамоту, где всё было подробно изложено, и стояла подпись настоятеля.

– Где ты это взял?! – удивлённо вскрикнул я.

– Принес тут один! – ответил с сарказмом Анри.

Потом, вспомнив, я спросил Анри о приборе, про который он обмолвился ещё в прошлом году.

– Всё позже! Расскажу по пути, – торопливо ответил мой друг.

Затем мы стали переодеваться в рясы и сандалии, Анри обрезал штаны до самых колен. Я удивился, а он пояснил, что из-под одежды должны торчать голые ноги, что так положено католическим монахам при аскезе. Потом он показал, куда зашил монеты, и тут я понял, почему рясы такие тяжелые, и сандалии довольно увесистые. Теперь ясно, что он делал в ночи.

Облачившись в рясы и надев кресты на грудь, мы расхо-

хотались, посмотрев друг на друга. Я вспомнил книгу Ильфа и Петрова и, давясь от смеха, сказал Анри: «Я хочу Вас спросить, как монах монаха, вы молитвы знаете?».

– Что-нибудь по пути вспомню или, наконец, придумаю, а вот ты теперь не юродивый племянник с побережья, а отец Поль, давший обет молчания! – ответил «отец» Анри, и мы, по предложенной мною русской традиции, присели на дорожку.

Софи положила еду нам в сумки, мы надели их, обнялись и поцеловались с девушкой, а затем, скрипнув дверью, вышли в тёмную прохладу.

Глава 2

В путь

Я не стал оборачиваться, потому что это всегда прибавляет грусти, но прошептал фразу из фильма «В бой идут одни старики».

– Ты что-то сказал, Поль? – обернувшись, спросил Анри.

– «Не будем оглядываться, так Ромео сказал», – шепнул я и похлопал своего проводника по плечу.

Анри сплюнул от непонимания моих слов, и мы двинулись вперёд на полусогнутых ногах, прижимаясь к стенам зданий.

Мы пошли налево по улице и остановились под аркой, затаив дыхание. Кое-где уже кричали петухи – город начинал отходить ото сна. Мимо нас с лаем пробежали три собаки. Совсем неожиданно где-то в паре метров над нашими головами заухал филин, и я присел со страху, схватившись за сердце. Анри сказал, что помирать будем не здесь, и дёрнул меня за капюшон рясы.

– Нужно быстрее выйти из города, чтобы нас, прости Господи, никто не узрел в таком виде. Не забывайте, стража не спит и бродит по периметру от ворот до ворот! – сказал Анри, и мы почти бегом двинулись в сторону северных ворот к дороге, ведущей из города.

Кое-как пробрались закоулками, прячась от вооружённых

людей с факелами и пару раз наткнувшись на каких-то всадников на фыркающих лошадях. Мы вышли из города всё-таки не через ворота, так как там дежурила стража, а через узкий лаз под стеной, который показал один проныра за пару мелких монет моему проводнику ещё лет десять назад.

Уже стало достаточно светло, поэтому мы постарались как можно быстрее преодолеть открытое пространство, и уже минуты так через три-четыре скрылись в густом лесу.

– Послушай, давай хотя бы вспомним, сколько нам лет, ведь мы уже далеко не мальчики, чтобы так скакать по просторам и, не приведи Господи, можем подохнуть от сердечного приступа! Так что давай помедленнее, пожалуйста! – задыхаясь, с укором высказался я в адрес Анри.

Он кивнул головой и, отдышавшись, сказал, что абсолютно со мной согласен. Так, подышав некоторое время и справив естественную нужду, мы двинулись налево по лесу в сторону дороги, которая шла на север.

Так мы шли молча километров десять по тропе, которая то виляла по лесу, то петляла через поля. Анри предложил выбрать укромное местечко, чтобы напиться воды и обсудить кое-какие вопросы относительно нашего путешествия.

Мы нашли уютное местечко, я набрался решимости и спросил Анри, не хочет ли он мне что-нибудь рассказать о полученных от Человека в маске инструкциях. Меня интересовал ещё один момент: Анри – Проводник, я – Свидетель, значит, выходило, что он должен был меня куда-то привести.

Я же свидетель какого-то события, а не нашей с ним беготни по полям и лесам с голыми ногами.

– Отец Поль, я с Вами абсолютно согласен! – ответил на все мои замечания и рассуждения Анри, но я совершенно наглым образом перебил его.

– Не юродствуйте, отец Анри, Вам это не к лицу, будьте проще, и народ к вам потянется! – съязвил я и попросил его продолжить свою мысль.

Он снова плюнул на землю, сердясь, что я пытаюсь шутить, а шуток моих он не понимает.

– Итак, я продолжу, у меня с собой карта, по которой я должен довести тебя до определённого места, там у меня появится другая карта, по которой мы будем следовать дальше! – сделав невинные глаза, сказал Анри.

– Ничего не понимаю, а где ты возьмёшь ту, ту другую карту? – ехидно прохрипел я, прищурив глаз.

Анри пожал плечами и сказал, что сам не знает этого, и что, наверное, как-то всё само собой должно случиться. Ну раз уж мы здесь оказались, видимо, о доставке карты тоже позаботится тот незнакомец.

При этом, хотя мы явно были одни, я постоянно ощущал чьё-то присутствие, присутствие кого-то невидимого. Кроме того, эта проклятая жёлтая мгла или дымка не давала мне покоя, я всю дорогу тёр глаза и мыл их водой. Я спросил об этой дымке своего спутника, но он ответил, что давно к этому привык и перестал обращать на жёлтый морок внимание.

Мы просидели у небольшого озера часа два, и я нагнулся зачерпнуть ладонью воды, чтобы попить, но, увидев свое отражение, отпрянул назад и уставился на Анри. Он испугался моего действия и спросил, что случилось.

– Анри, я же похож на пугало огородное, я бороду регулярно постригаю ножницами, а голова их не видала всё время, сколько я здесь нахожусь! – завопил я.

– Прекрати себя так вести, ты прекрасно выглядишь для этих мест и времён, да и я так же выгляжу! Не время модничать, для своего времени мы, конечно, ужасны, а сейчас – вполне ничего! Женщин мы не очаруем, но играть роль представителей аббатства – самое оно! – рассуждал Анри, перешнуровывая сандалии и икая от холодной воды.

Затем мой друг посмотрел вдаль и добавил: «Женщины – это, конечно, знаете ли!...». И замолчал. Потом достал из своей наплечной сумки ножницы и предложил аккуратно обрезать волосы, а то они и впрямь были чрезмерно длинны. Мы постригли друг друга. Вначале он меня, затем я его. Получилось довольно неплохо.

– Куда всё же мы направляемся, далеко ли ещё? – теперь уже достаточно смиренно спросил я своего спутника.

– Очень. И небезопасно: разбойники, война и чёрт его знает, что ещё там встретится! – ответил Анри.

Затем мы, уже отдохнувшие, двинулись дальше. Проводник сказал, что мы идём в Орлеан, и, как часто с ним бывало, снова замолчал, задумался.

– Анри, покажи, пожалуйста, тот прибор, о котором говорил! – попросил я.

Он снял с себя крест, затем, немного покопавшись, разделил его на две части по плоскости. На каждой из них я разглядел кнопку.

– В самом крайнем случае мы с тобой должны будем нажать одновременно эти кнопки, обязательно прижавшись друг к другу лбами. Ты нажмёшь зеленую, я красную – так сказал незнакомец! – пояснил мой проводник и защёлкнул крест.

Я больше ничего не стал спрашивать, решил плыть по течению и молчать, вспомнив об обете.

Мы поднялись и вышли на дорогу. Преодолевать длинные расстояния в моём возрасте было уже очень непросто, и тем не менее, выбора у меня не было. Тело начало ныть, как у человека, который бросил заниматься физическими нагрузками, а затем резко начал снова... Дома в таких случаях я спасался обезболивающими средствами, но здесь, здесь хоть обрыдайся, никто не поможет.

Путь был очень неблизким, и мы с трудом добрались до Авиньона, за три неполных дня преодолев пятьдесят миль с небольшим. По пути нам встретилось несколько обозов и пеших путников, некоторые из них останавливались, кланялись и просили благословения, естественно, мы их благословляли. Правда, «отец» Анри благословлял с молитвой, а я осенял просителей крестом, молча кивая головой.

Выглядело всё это, конечно, очень занятно. В такие минуты я краснел, мне было стыдно. Два раза нас крепко избили какие-то оборванцы, мне сломали нос, а моему другу два пальца на левой руке. Хорошо, хоть на левой...

Город Авиньон некогда был резиденцией католических понтификов, последний из них, Григорий XI, в 1376 году переехал в Рим, и дышать жителям стало легче из-за отсутствия огромного количества гвардейцев и стражи. Анри сказал, что шастать по городу мы не будем, чтоб никто не задавал вопросов, поэтому мы решили попроситься на постой в аббатство Сен-Руф, что находилось подальше от центра. Пока мы шли, я всё больше и больше проникался историей чужой мне страны.

Мы постучались в двери аббатства, и нам скоро отворили, Анри показал грамоту, этого было достаточно. Нас без колебаний впустили и разрешили остаться, при этом даже накормили овсяной кашей, яблоками и дали напиться воды. Мы проснулись одновременно с местными отцами, для приличия отстояли утреннюю мессу, помывшись и перекусив овсяной кашей на воде, а затем спешно откланялись.

Путь наш был долог, но интересен. Иногда нас подвозили на телегах, и удавалось подремать на мешках или среди бочек. Пару раз мы натыкались на засады из голодных солдат, это были дезертиры, они бежали от сражений. Солдаты рассказывали о своих горестях, о том, что на войне творится сущий ад, и шансов остаться в живых практически нет. Мы

делились с ними хлебом, яблоками, молились и крестили.

Конечно, наш обман можно счесть кощунством и большим грехом, но выбора у нас не было. Раньше я хорошо знал, что выживает сильнейший, пока однажды один человек не поправил меня, сказав, что выживает приспособляющийся. Вот и сейчас мы были самые что ни на есть приспособленцы.

Так мы шли, шли и ехали всё дальше и дальше с юга страны на север, останавливались в приютах, а если был приличный населенный пункт, то и в достойных постоялых дворах, где ночевали вельможи. Деньги у нас были, поэтому мы не голодали, а когда люди узнавали, что мы следуем в святые места, то с почтением выпивали вина в нашу честь, громко крича и чокаясь деревянными кружками, особенно люди в латах и с крестами на груди. И не важно было в те минуты, что на самом деле мы шли совершенно в другом направлении, на север, а не в Палестину к святым местам. О, сюжет!

Шли дни, наконец, мы добрались до Лиона. Это был достаточно крупный город по тем временам. В Лионе мы решили задержаться на пару дней, хотя расслабляться было некогда. Мы пошли помыться в неглубокой речушке близ города, потому что от нас несло, как от ослов, и даже собаки воротили свои морды от нас. Мыло нам заменили мелкий песок и мягкая трава.

Помывшись, мы выстирали нашу одежду и, пока она сохла, сладко вздремнули на солнышке. Мне снился дивный

сон, и я не хотел просыпаться. Я ясно, очень ясно видел жену, детей и маленьких внучат. Это были космические ощущения! Я видел, что мы все собрались на нашей даче, валяемся на свежескошенной лужайке. Жена читает вслух книжку про Винни-Пуха, а дети хохочут от моих едких комментариев о том, что Пятачка давно пора съесть и закусить сладким мёдом.

Меня растолкал Анри, он сказал, что я громко хохотал во сне. Наша одежда высохла, и пора было идти дальше.

– Хороший сон? Семья, дом? – спросил Анри.

– Эх, брат мой во Христе, вот так бы не просыпаться и быть с ними, но увы мне грешному! – тяжело вздохнув, сказал я, протёр глаза и подмигнул Анри.

Мы ещё немного голышом посидели на берегу, затем облачились в одежды и пошли прочь от реки в сторону города.

– Послушай, нам с тобой не по пятнадцать лет, чтобы бегать босиком, да и портки лишними не будут, – не удержавшись, озвучил я давно мучившую меня проблему.

– Твоё дело молчать, ты обет дал, насколько я помню! – съязвил Анри, но спорить не стал.

– Как я погляжу, ты становишься дерзким! – не преминул сыронизировать я и предложил зайти на рынок, немного перекусить да ради приличия посетить какой-нибудь местный храм.

Мы побродили по городу, заглянули на базар, прикупив себе по паре штанов, ботинки и тряпки (вроде портянок) для

обмотки ног. Анри купил себе ещё две тёплые рубахи, чтобы надевать их под рясу, и пару метров мягкой ткани.

Затем мы зашли перекусить в местный трактир. Пока ели, я спросил товарища, зачем он купил ткань. Анри ответил, что пошьёт нам трусов.

После еды, услышав звон колокола, мы поспешили на вечернюю службу в церковь Сен-Жорж, что на берегу реки Со-на. Отстояв службу, как порядочные монахи, и, как водится, получив благословение от настоятеля, мы решили найти место для ночлега. С подачи одного служки этого прихода мы оказались на недорогом постоялом дворе совсем недалеко от храма. Уселись в местном брассери и довольно неплохо перекусили блюдами местной кухни.

Одно немного огорчало: мне приходилось продолжать помалкивать в тряпочку, но, немного разомлев от местного винца, я увидел, что поговорить здесь, в общем-то, было с кем. Особенно привлекла моё внимание потенциальная собеседница с достаточно увесистым бюстом и неплохой кормой в бархатной широкой юбке до пола. Я с любопытством разглядывал её формы, а она не отводила взгляд, и в нём я заметил намёк на взаимность.

Кровь моя, конечно, разыграла, хотя это скорее была мимолётная фантазия. Старику ещё мечтать о молодой девице! Тем более нельзя было позволять себе всякие вольности из-за «принадлежности» к церковной братии, о чём не преминул напомнить мне, еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться,

«отец» Анри. Меня же подмывало высказаться, что природа всё равно когда-нибудь возьмёт своё.

Мы спросили, где нам можно разместиться на ночь, и, заплатив тремя серебряными монетами за ужин и постой, отправились на свои койки, которые нам определила та милая дама, ну та, с бюстом, о которой я говорил прежде.

Не успел я заснуть, как почувствовал, что рядом кто-то улёгся, засопел, а затем взгромоздился сверху, лихо сдёрнув с меня штаны. Я грешным делом подумал, что это домовый пришёл, и собрался креститься, да не тут-то было. Ну не может быть у домового обнаженной груди примерно пятого размера и таких мягких пухлых губ. Девушка страстно поцеловала меня. Я пытался что-то лепетать, но в левое ухо мне прошептали нежным голосом: «Ну что, старый хрен, поиграем? Никогда ещё у меня не было мужика с таким крепким телом и такими наглыми глазами... И тем более монаха нецелованного!». Я, конечно, «сопротивлялся» как мог, а она стонала, прыгая и извиваясь сверху на мне, будто большая змея.

Анри подскочил на своей койке и в одном исподнем, едва успев прихватить свою одежду, выбежал из комнаты, сшибая в спешке всё на своём пути, и закричал: «Да что же это такое творится, Господи?!». Выскочив из комнаты, он чем-то загремел и где-то вдали затих. После его побега я ещё немного достойно и стойко «сопротивлялся», пока не начал отрубаться от бессилия, глядя, как мой нежный «домовой» мед-

ленно уходит, покачиваясь во мраке. Это была незабываемая ночь, во всяком случае, самая незабываемая с тех самых пор, как я попал в этот странный мир, в это странное время.

Утром я проснулся, еле продрал глаза, с трудом встал с кровати, оделся и спустился в брассеры. Там сидел Анри и сонно смотрел на меня.

– Ну что, размонашился, отец Поль? – спросил он и глотнул молока.

На столе стояла большая миска со сметаной и лежала краюха серого свежего хлеба.

– А что не так? Или ты меня в святые записал? Заметь, я не виноват, меня сломили... А молоко откуда взялось, не я ли надоил в ночи, да и сметану не я ли намесил? – негромко спросил я, посмотрев в сторону ночной посетительницы, и покраснел.

Анри захохотал, и молоко полилось из его рта. Девушка принесла и мне кружку свежего молока, затем присела рядом и потрепала меня за щеку. Анри при этом вновь ухмыльнулся и закатил глаза.

– *C est la vie mademoiselle, je suis desole*, но нам нужно уходить, – тихо проговорил я, хотя мне совсем не хотелось покидать это место.

– Ого, да ты преуспел, дорогой друг! – похвалил меня Анри со смехом, и мы засобирались.

Мы упаковали свои вещи и направились к выходу с постоялого двора, как вдруг девушка преградила нам путь и подо-

шла ко мне. Она была высокая, выше меня ростом, поэтому её пышная грудь оказалась у меня практически перед носом. Я уткнулся лицом в перси и глубоко вдохнул, наслаждаясь запахом молодого тела.

Не скрою, она была хороша, я понял при свете дня, что она очень похожа на Жюльет Бинош. Отстранившись от девушки, я сказал об этом Анри, и он, обрадовавшись как маленький, согласно закивал головой.

– Да, с такими формами она бы, наверное, блистала на подиумах Парижа во времена Пьера Кардена, – шепнул я другу.

– Если снова будешь в наших краях, не забудь заглянуть, старый шалун. Я не думала, что внешность может быть настолько обманчива! – сказав это бархатным голосом, она подмигнула моему спутнику и отошла в сторону, а мы удалились с поклонами.

Я шёл, не оборачиваясь, почему-то ощущая себя немного виноватым, и порывивал как медвежонок, вспоминая бессонную ночь.

– Выше голову, месье Поль, ты же герой и кормилец, у нас в сумках есть и хлеб, и кусок буженины! Живём! Без твоего геройства мы бы, наверное, умерли от голода! – еле сдерживая смех, проговорил Анри.

Я ничего не ответил, а лишь жестом показал, что не могу говорить. Он громко рассмеялся и похлопал меня по спине.

Мы ушли из Лиона, но цель была ещё далека, ведь мы не прошли и половину пути. Несколько раз нас пытались огра-

бить какие-то разбойники, но, обшаривая наши вещи, только плевались и, матерясь, уходили прочь. Несколько раз нас очень сильно избили. Я хоть и был не робкого десятка, даже имел чёрный пояс по карате, ни разу не дёрнулся против ножей и кинжалов. Глупо это делать, да и возраст уже не тот. Страшно было: я же дитя общества потребления, а не этой дикой и воюющей цивилизации.

В один из дней Анри сказал, что сейчас март 1429 года. Это не очень-то меня обрадовало, ведь впереди по-прежнему неизвестность и полуголодное путешествие с туманными перспективами. Я, тяжело вздохнув, снова вспомнил свой дом и близких.

Мы прошли, не останавливаясь, через город Мулен, Анри решил, что мы заночуем в городке Невер, с чем я не имел права не согласиться. Хоть солнце и светило ярко, было достаточно прохладно. Мы шли практически молча, иногда перебрасываясь фразами. По правую сторону от дороги тянулись горы, и я мечтательно любовался удивительным провансальским пейзажем, позабыв о грусти.

Я снова ушёл в себя, думал о доме, о бизнесе, о своём хобби, но меня мучили вопросы, почему я так быстро освоился здесь, почему я понимаю здешний язык, почему я до сих пор жив. Да и гаджеты: как я мог забыть мой любимый iPhone, мессенджер WhatsApp и Его Величество Интернет. Как же я без них живу здесь? Боже мой, надо же, сколько времени я вне своего дома, а только вспомнил про всё это. В общем, я

мечтал и размышлял на ходу.

Вдруг Анри закричал! Я не успел опомниться, как из перелеска на огромной скорости нам навстречу понёсся отряд вооруженных всадников. Меня словно сковало, я стоял и не мог двинуться с места. А всадники были уже в трёх метрах от меня. И пронеслись будто мимо меня, через меня, сквозь меня.

Я стоял на дороге, ноги тряслись от страха. Анри стоял метрах в десяти на четвереньках, вылупив глаза и икая. Пыли от всадников практически не было, она как бы смешалась с жёлтой мглой.

– Что это было? – дрожащим голосом спросил я, глядя на своего товарища.

– Не знаю, что это было, но это было грандиозно! Они промчались сквозь тебя, не причинив вреда! Это призраки, не иначе! – восхищённо прокричал напуганный не меньше меня Анри.

– Как это может быть? – спросил я и попытался сделать шаг, но ноги не слушались.

Анри, встав с колен, подошёл, и, взяв меня за руку, увёл с дороги в сторону пруда. Штаны мои были мокрыми.

Анри развёл огонь, и я, достав запасные штаны, быстро переоделся, а грязные застирал в пруду и убрал их, чуть подсохшие, в сумку. Тут что-то побудило меня обернуться, и на холме метрах в трёхстах от нас я разглядел всадника на снежно-белом коне. На всаднике был плащ, шляпа с узкими

полями и маска до глаз. Он смотрел в нашу сторону. Я хотел было показать его Анри, но он опередил меня, сказав, что видит то же, что и я.

– Ты не находишь это странным? – выдал вдруг Анри.

– Анри, а тебе не кажется, что то, что мы здесь шлеемся по городам и весям, само по себе уже странно?! – нервно ответил я и предложил двигаться дальше.

Мы снова посмотрели на холм, всадника там уже не было.

Немного успокоившись, я сказал Анри, что вспомнил про мобильную связь. Он, как ребенок, удивился.

– Надо же, я тоже совсем забыл про чудеса техники, надо же! – с идиотской улыбкой проговорил мой проводник, глядя куда-то вдаль и почёсывая задницу.

К ночи мы добрались до Невера, там постучались в первый встретившийся на пути дом. Нас впустили и отправили спать в хлев на сеновал. Утром хозяин дома попросил нас побыстрее уйти, по причине того, что в городе много солдат, отряды которых двигаются на север, им тоже нужен постой.

Мы набрали воды и двинулись сквозь город, но не центральными дорогами. Я на секунду отвлёкся, задумался о своём и потерял из виду Анри, хотя он шёл впереди меня метрах в двадцати. Но не успел я испугаться, как мой друг выскочил откуда-то из подворотни, что-то держа под рысой. Только я хотел полюбопытствовать, что это за ноша, как он толкнул меня и прибавил шагу, я послушно побежал за ним.

В лесу мы развели костёр, и у нас случилась небольшая

пирушка: Анри лихо ошципал и зажарил на углях курицу – именно её он прятал под одеждой, умыкнув по пути из одного двора.

До Орлеана мы добрались за четыре дня. Ночевать приходилось то у костра, то в стогу, так как больших населённых пунктов по пути не было. В деревнях на постой пускали неохотно, видимо, местные были чем-то напуганы. По пути в город нам попадались оживлённые сборища людей, сидящих возле больших костров, но мы боялись подходить к ним, так как опасались быть избитыми или ограбленными.

На четвертый день мы подошли к Орлеану. Километрах в десяти от города нас остановили солдаты в железных доспехах. Они долго допытывались, кто мы и откуда, а затем сообщили, что в город нам нельзя, что Орлеан занят англичанами, и что скоро его будут штурмовать.

Солдаты предложили вместе с отрядом следовать в сторону стоянки войск, пообещав, что там мы получим еду и отогреемся у огня, если отпустим грехи страждущим.

Глава 3

Орлеанская дева

Пока мы шли вместе с отрядом, один из солдат подробно рассказал нам, что осада города длится уже больше года, но скоро наступит переломный момент. Мы молча слушали, делая вид, что нам безумно интересно. Я пытался понять, почему мы пришли именно в Орлеан. Орлеан... Вдруг меня словно окатило ледяной водой! Я остановился и дёрнул Анри за плечо, он удивленно посмотрел на меня. Я дождался, пока остальные обгонят нас.

– Анри, апрель 1429 года... Жанна д'Арк, – прошептал я и уставился сквозь друга, затем взял его за грудки и силой притянул к себе.

– Этого еще не хватало, только не это! – закатил глаза мой спутник, ноги его ослабли, и он осел на землю.

Мне тоже было не по себе, я хорошо знал историю того времени и помнил, чем закончится осада.

– Умоляю, молчи, мы с тобой не имеем права даже и помыслить, чтобы проронить хоть слово о том, что мы знаем. Нас примут либо за шпионов, либо за умалишённых! Или того хуже – за колдунов! Тогда пиши пропало: или сожгут, или прирежут, как собак. Это не наша с тобой история, мы всего лишь её свидетели! – убеждал меня Анри, тряся за грудки, а я слушал его совершенно отрешённо и глядел куда-то в про-

странство.

– Этого не может быть, потому что этого просто не может быть. Ты же сам всё понимаешь. Мы в сумасшедшем доме, нас накололи лекарствами, и мы спим, – шептал я.

Анри брызнул мне в лицо холодной водой из лужи, я очнулся, и мы быстро догнали отряд.

Нас приняли к костру какие-то люди, дали каши. Невкусной, будто из опилок. И горячей заваренной в воде полыни. Я морщился от горечи, но мне объяснили, что это средство от всякой заразы, его обязательно нужно выпить.

Я сидел на деревянной чурке и смотрел по сторонам. Солдаты занимались разными делами: кто мылся, кто точил оружие, а кто спал, лёжа на земле. Ровными рядами стояли палатки и шатры, а правее от нас неподалёку раскинулся самый большой шатёр. Я спросил, кому он принадлежит. Мне сказали, что это шатёр военачальника. Я поинтересовался, кто он.

– Она! – ответил беззубый немолодой мужчина, поправляя железные наплечники и нагрудник.

Анри икнул, а я закашлялся, и мы переглянулись. Стало смеркаться, мы залезли в какую-то телегу с соломой и укрылись мешковиной, которую я умыкнул у одного зазевавшегося воина. Я сильно устал и быстро задремал, слушая, как мой спутник храпел и пускал пар из пятой точки.

Затем сон пропал, я уставился в чёрное бездонное пространство Вселенной. Звёзды были, как на ладони, как там,

дома. Я вспомнил, что совсем недавно сидел на лавке нога на ногу и курил сигарету, пока не случилось то, что случилось. Я представил дом, жену, детей и внуков. Только они виделись мне как-то мутно, не так, как раньше. Я лежал-лежал, а потом тихо запел, почти шёпотом:

Прекрасное далёко
Не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко,
Жестоко не будь.

От чистого истока
В прекрасное далёко,
В прекрасное далёко
Я начинаю путь.

Я вспомнил эту песенку из детского фильма, только не помнил, из какого именно. Да это и не было сейчас важно. Важно то, что я понимал: песня-то далеко не детская, если вдуматься. Лично для меня то самое «прекрасное далёко» было уж совсем теперь далёко, даже недосыгаемо, учитывая то, свидетелем каких событий я могу стать.

Помня историю, я очень не хотел видеть всё это. Я лежал, отрешённо смотрел в черноту, напевал и горько плакал. А затем и сам не заметил, как провалился в небытие под храп моего товарища Анри.

Когда меня растолкал друг, уже рассвело. Мы встали и пошли в ближайший лесок по нужде. Но тут же вылетели оттуда пулей: уделано было всё! Мы решили уйти подальше, и

не зря: скоро нашли неплохое местечко, где успешно оправились и омыли себя ниже пояса из большой лужи с чистой водой, так как туалетной бумаги здесь не водилось.

Пока мы неспешно возвращались назад, Анри поведал мне некоторые факты из истории своей страны. Он сказал, что Орлеан давно уже в осаде. Судя по датам, мы попали практически к шапочному разбору – в ближайшие день-два всё решится. Потом, постояв и подумав, Анри сказал, что именно здесь произошло чудесное исцеление Орлеанской девы после тяжёлого ранения.

Мы вернулись к нашей стоянке, и были неплохо накормлены, получили даже по глотку молока!

– Анри, а если что, денег-то у нас хватит? – спросил я друга как бы невзначай.

– По здешним меркам мы богатеи, только тс-с, молчи! Да и нам не на что пока тратиться, мы сыты, слава Богу! – ответил Анри и зачерпнул горячей воды из котла, что висел над тлеющим костерком.

Вдали задудел в трубу горнист, и все зашевелились. Мы тоже подскочили и посмотрели в ту сторону, откуда шёл звук. Кто-то двигался к нам, и мы с Анри направились в сторону строя, что образовался вдоль дорожки. Мы протолкнулись вперед и обомлели, во всяком случае, я – точно.

Гремя латами, нам навстречу шёл отряд, а впереди была она. Да-да, теперь уже нетрудно было догадаться, что это она, тем более все вокруг скандировали: «Жанна! Жанна!». Эхо

разносилось, словно ударная волна от мощного взрыва.

Нет, описать увиденное не представляется возможным. Меня переполняли чувства. Не знаю, что со мной произошло, но я тоже заорал, что было мочи. Анри вторил мне, вылупив глаза, он даже не ощутил боли, когда я в эйфории впился длинными ногтями ему в руку. Да-а, здесь и сейчас творилась история, и мы были в ней, практически в центре событий! Чувства переполняли нас.

Жанна, словно в замедленном кино, шла впереди командиров отрядов, гордо подняв голову с развевающимися чёрными волосами. Совсем юная девочка. Очень красива, стройна и грациозна! Но сколько силы, внутренней силы было в ней! Сила была видна невооружённым взглядом, она чувствовалась всеми волосками тела, они стояли дыбом от происходящего.

Мы с Анри вышли едва ли не под ноги идущим, и она остановилась перед нами, держа свой шлем в левой руке. Позади и сбоку от неё стояли высокие крепкие рыцари, видимо, какие-то начальники в этой армии. Теперь Жанна стояла в метре от нас, мои коленки заходили ходуном, стало невыносимо страшно.

– Откуда вы, святые отцы, и что тут делаете? – спросила она высоким голосом и впилась в нас своими карими глазами.

– Мы из аббатства Тороне, что на юге Франции! – ответил Анри дрожащим голосом, а я опустил глаза.

– Как же вы сюда забрели и что тут делаете?

– Прежде чем уйти в Палестину по настоянию аббата, мы решили прийти сюда и молиться о победе над англичанами, а уж затем следовать по назначению! – выдал Анри по-солдатски то, что первое пришло ему на ум.

– А почему второй молчит? – спросила Орлеанская дева, и у меня всё похолодело внутри, я закашлялся.

– У отца Поля обет молчания, сударыня, уж два года молчит! – чуть ли не скороговоркой произнёс Анри и присел в реверансе, а я обомлел от его выходки.

Жанна подошла ко мне вплотную, одним пальцем приподняла мой подбородок и пристально взглянула в глаза сверху вниз, так как была выше ростом. У меня похолодело в области сердца, и ноги стали почти ватными.

– А не шпионы ли вы, монахи? Что-то чужое в его глазах я ощущаю! – проговорила Жанна д'Арк негромко.

– Что Вы, что Вы, матушка, обет у него, нельзя, нельзя, помилуй! – зашебетал Анри и пал на колени, кто-то из стоящих прихватил его за плечо.

– Хотите, я разговорю их? Только прикажите, госпожа! – спросил, как позже мы узнали, Жиль де Рэ, соратник Жанны д'Арк, местный Малюта Скуратов.

Она покачала головой в знак отрицания. Я расслабился, голова была словно набита ватой. Я ощутил себя мягкой игрушкой, тем зайкой, которого бросила под лавку хозяйка. Меня подхватил под руку мой друг, и я еле удержался на но-

гах.

Затем Жанна д'Арк произнесла короткую воодушевляющую речь. Суть её состояла в следующем: победа над врагом близка, а англичане отправятся в ад. Все возликовали. После этого Орлеанская дева сказала, чтобы мы с Анри пошли с ними молиться перед завтрашним штурмом.

Мы засемили за процессией, скорее Анри засеменял, меня он тащил за рукав. Нас разместили возле штабного шатра в неплохой уютной палатке. Всё виделось как бы со стороны. Такое состояние я уже испытывал: однажды мы с женой были на литургии, которую служил патриарх в нашем приходе, тогда тоже было ощущение, будто всё происходит не с нами.

– Молиться?! Анри, мы права не имеем делать этого и не умеем, даже если захотели бы! – запричитал я и уселся на какой-то ящик.

– У нас нет другого выхода, рядом с ней находится Жиль де Рэ, это страшный человек. Я читал о нём, он маньяк, ещё рядом с ней молодые генералы, они тоже фанатики, – прошептал Анри и закашлялся, как видно, от нервного потрясения.

До вечера мой товарищ изображал чтение молитв или псалмов. Он сказал, будто что-то припомнил из своей молодости, когда прислуживал по настоянию отца в церквушке.

Ближе к ночи «отец» Анри сказал, что вспомнил имена её сподвижников. Это были: Жан Дюнуа, Жак де Шабанн,

Этьен Виньо́ль, Жиль де Рэ и всякие там ещё, я не запомнил. У меня мозги были набекрень, я и представить не мог, что такое может случиться в принципе.

Около полуночи пришёл человек и сказал, что Жанна собралась молиться, просит нас побыть с ней и поучаствовать в бдении. Всё снова прошло, как во сне. Девушка опустилась перед походным алтарём на колени и зашептала тихо, обращаясь, как видно, к Богу. А мы тихо стояли позади неё возле входа в шатёр. Затем она встала, поблагодарила нас, попросила слуг, чтобы те о нас позаботились, и нас вывели.

Анри и меня хорошо накормили, дали даже вина, и мы улеглись спать. Как ни странно, но сон пришёл быстро, видимо, от хмеля.

На следующий день мы вместе с продовольственным обозом направились в сторону города. Возница сказал, что штурмовать будут с юга, главный отряд во главе с воительницей уже давно ушёл вперёд.

Чем ближе мы подходили, тем отчётливее была слышна канонада пушек, становилось не по себе. Нас оставили на берегу реки Лаура, что огибала город с юга. Войска шли дальше вперед, а назад доставляли раненых. Мы разместились ближе к кухне.

Я не писатель и не фронтовой летописец, чтобы подробно, с чувством, описывать события давно минувших дней. Эта история не про Жанну д'Арк, не про французские революции, это достаточно примитивное описание случившегося со

мною и моим новым другом по воле Бога, случая, провидения или ещё неизвестно кого или чего. Одно могу сказать о своих впечатлениях от бойни: война – это кровь, крики, смерть. Это всегда страшно.

Уже вечером прискакал всадник и протрубил в трубу, а затем прокричал: «Город взят! Англичане повержены! Жанна ранена, но жива!». Мы с Анри, напившись вина, которое выменяли у одного торговца на пару экую, громче всех орали от радости.

– Идём скорее! – схватив меня за руку, прокричал Анри, и спустя некоторое время мы шли по мосту через остров Святого Антуана. Хмель быстро выветрился, вдруг что-то заставило меня обернуться. На холме на белом, как снег, коне возвышался всадник, которого мы уже видели. Лицо его, как и прежде, было закрыто маской. Он еле заметным жестом показал нам идти вперед, и мы прибавили шагу. Я не знаю, как это объяснить, но мы будто знали, куда следовать. Вернее, знал не я, а мой проводник Анри, он шёл уверенно и тащил меня за собой.

Жуткая картина: убитые и раненые вперемешку, лошадь без ног, кто-то добивает раненых врагов, крики, визг, везде огонь и смрад, как в фильме ужасов. Пока мы шли, меня несколько раз вырвало, хотя мой желудок был недостаточно полным.

Мы уже вышли на широкую улицу, ведущую к центральной площади Орлеана, когда раздался свист, и неизвестно

откуда прилетело ядро. Совсем рядом с нами, метрах в пятидесяти, раздался взрыв. В сам момент взрыва всё вокруг замерло, просто всё остановилось! Как бы повисло в воздухе, когда разлеталось в разные стороны, и так и осталось висеть. Огонь при взрыве так и остался недвижим. И абсолютная тишина. Чудеса, да и только!

Но мы с Анри не потеряли подвижности. Мы бежали вперед. Уже смеркалось, люди и лошади оставались в тех позах, в которых их остановило время. Даже капли крови зависли в воздухе.

Мы влетели в здание напротив огромного фонтана. В большом зале горели факелы и большие свечи. В глубине зала на большом настиле лежала Жанна. На полу валялись окровавленные тряпки и стояли тазы с водой, возле её изголовья замерли два лекаря с бинтами и какими-то склянками в руках, у входа и по периметру дежурила охрана, а у окна стояли капитаны и молодые генералы с угрюмыми лицами. Возле Жанны лежала стрела. Видимо, та, которая её и пронзила в левое плечо, в нём зияла свежая рана. Из раны обильно сочилась кровь, глаза воительницы были туманны. Но вот что странно: она двигалась, смотрела куда-то в пространство и молилась так неистово, что слёзы ручьём текли из её глаз. Нас, как мне показалось, она не видела.

Боже мой, как же она хороша, тонка и женственна, а историки приписывали ей какую-то мужественность. Может, где-то на поле боя в схватке, но не сейчас. Сейчас передо мной

была хрупкая и беззащитная девочка, а для нас стариков это был просто ребёнок.

Анри сказал, что у него вибрирует крест, затем открыл его. Кнопки мигали одновременно, вибрация усилилась.

– Мы должны что-то сделать, быстрее, Поль! – закричал Анри.

– Я не знаю что! – в ответ крикнул я и оскалился, словно волк.

– Я привёл тебя сюда, а теперь твоя миссия! Так я понимаю! Делай же что-нибудь! – заорал Проводник.

Меня затрясло. Вдалеке у входа в здание стоял тот незнакомец в маске и смотрел на нас, а может, это был даже и не он, а плод моей фантазии. Я повернулся к Жанне и подошёл, она продолжала смотреть в пустоту и шептать, а кровь продолжала сочиться и струйкой стекала по её руке на пол.

Бедная девочка. То, что я сделал, было совершенно неосознанно, а может, даже интуитивно, будто кто-то управлял мною и моим телом. Подойдя к ней, я положил правую руку на рану, плотно закрыв её, а левую на лоб Жанны и, не задумываясь, прошептал: «Помилуй, Господи!». Поднял голову вверх и крепко зажмурился.

Через минуту я убрал руку, крови не было, осталась лишь маленькая дырочка с запёкшейся кровью. Жанна перестала шептать и посмотрела мне в глаза. Или сквозь меня. И улыбнулась. Я отошёл в сторону, пребывая в шоке. Тело мое ослабло, ноги стали ватными. Анри придержал меня за ло-

коть.

– Анри, я прошу тебя, дай минуту, ведь мы никогда этого больше не увидим, никогда! – попросил я.

Я стоял и смотрел на это чудо, и только мы в этом мире знали, чем закончатся все её героические победы.

Уже потом, спустя много времени, Анри у костра снова рассказал мне, что в летописях описывался случай чудесного исцеления Жанны д'Арк после тяжёлого ранения в левое плечо. Тогда я неуверенно ответил ему, что к нам это не имеет никакого отношения. На что мой спутник напомнил мне слова Уильяма Шекспира о мудрецах.

– Уходим, крест аж звенит! – крикнул Анри и потащил меня за рукав, а я ещё раз взглянул на умиротворённое лицо девушки и послушно пошёл за ним к выходу.

Мы свернули налево и побежали по улицам в сторону взрыва, огибая людей и стараясь их не задеть. Наконец, мы вошли в эпицентр взрыва.

– Готов? – спросил Анри.

– Поехали! – ответил я, ещё раз оглядевшись по сторонам, но на душе у меня было тоскливо от чувства, словно мы что-то не доделали.

Затем мы схватили друг друга за шеи, прижались лбами и одновременно нажали кнопки: я – зеленую, Анри – красную. Засверкали молнии, всё закрутилось, завертелось, мы куда-то провалились и полетели.

Глава 4

В гостях

Я, как и в прошлый раз, упал откуда-то сверху и очень больно ударился о землю. Кажется, я разбил лицо. Подобное состояние было у меня однажды, когда совсем пьяный я ехал в плацкартном вагоне и, упав с верхней полки, разбился так, что мне вызывали скорую помощь прямо к поезду.

Но это было давно, в безрассудной молодости, а сейчас совсем другое дело. Я терял сознание, затем приходил в себя, затем снова терял, и так несколько раз. Не хотелось открывать глаза, встать не было сил. В такой полудрёме я, наверное, пробултыхался довольно долго. Мне казалось, я нахожусь где-то в вечности. Голова была ватной, мысли наслаивались одна на другую, не было возможности сосредоточиться, я не мог ничего вспомнить.

По прошествии какого-то времени я неожиданно вспомнил, что у меня есть друг, и попытался встать. Кое-как взгромоздился на четвереньки и начал блевать. Блевал желчью, потому что желудок был пуст и нормальной пищи не видел давненько.

Проблевавшись, я долго не мог отдышаться. Когда это удалось сделать, я с трудом отёр грязь и кровь с лица и попытался вспомнить что-нибудь. В голову начали лезть обрывки сюжетов, ощущений, мыслей. Я вспомнил практиче-

ски всё. Пальцами протёр глаза, содрав запекшуюся грязь, и увидел рассвет, только опять в этой проклятой жёлтой дымке.

С трудом оглядевшись, я обнаружил, что полулежу посреди огромного виноградника. Горло и рот были сухими. Жутко хотелось пить. Рукой я нащупал жидкую грязь и напихал её полный рот. Высосав как можно больше влаги, выплюнул практически сухую и горячую землю. Такой трюк я проделал несколько раз и вскоре опять затаил дыхание, с трудом вытянув шею.

Где-то метрах в двадцати от себя я услышал сопение и пополз в ту сторону. Промучившись минут десять, я добрался до практически бездыханного тела моего друга и проводника Анри. Он лежал на животе, голова его была повернута вправо, изо рта и носа текла кровь. Я лёг рядом, думая о том, что с ним могло произойти самое страшное, и боясь того, что его шевеление – агония умирающего тела.

Пристально вглядываясь в Анри, я, обессиленный, провалился в сон, затем, проснувшись, когда было уже совсем светло, решил попробовать расшевелить друга. Я толкнул его в плечо, он приоткрыл один не заплывший глаз и прохрипел: «Пётр, как я рад тебя видеть, а себя ощущать ещё живым, но мне очень больно». Я спросил, где болит, и он ответил, что особенно болят руки. Аккуратно посадив Анри, я взял его кисти и поднял их вверх. Он застонал, а я увидел, как неестественно его руки согнуты. Обе руки были слома-

ны.

Я тихонько отпустил его конечности, а он закинул голову вверх и горько заплакал. Вернее сказать, мы сидели и плакали оба: от боли, от бессилия и непонимания. Два взрослых мужчины рыдали, заливаясь горячими слезами. Я обнял за шею своего друга, поцеловал, как сына, в лысую грязную голову и сказал, что пойду осмотрю округу, может, найду помощь. Он ничего не ответил, так и остался сидеть в позе святого.

Я, шатаясь, двинулся по грязи вниз под уклон в надежде найти людей, воду, пищу. Я пощупал швы рясы, монеты были на месте, да и сандалии были так же тяжелы от монет.

Подойдя к неширокой речушке, я упал на колени и начал жадно закачивать в себя воду, хотя понимал, что наносишь себе только вред. Конечно, меня тут же вырвало, голова закружилась. Я присел на колени. Затем, умывшись, встал и огляделся по сторонам. Примерно в километре ниже по реке разглядел маленькую деревеньку и направился в её сторону. Пока шёл, отряхнул высохшую грязь и поправил на груди крест, хотя выглядел я далеко не как монах, скорее как бродяга.

Я посмотрел в ту сторону, где оставил Анри, и долго стоял, размышляя, почему и за что нам всё это. Я не понимал, кто затеял эти игры. Господи, мне уже, наверное, пятьдесят, а я неизвестно где. Меня бьют, я разбиваюсь в кровь, какие-то девки, вино, война, грабёж и, как гово-

рил Ефим Шифрин, кругом абсолютный бесперспективняк. Опять подкатил ком к горлу, но я удержался, чтобы не зарыдать, так как заметил неподалёку девочку и мальчика лет десяти-двенадцати, они пасли овец.

– Padre, un sermone straordinario! – крикнула мне девочка и присела, а мальчик поклонился.

Я не разобрал, что она сказала, язык показался мне незнакомым. Образовалась длинная пауза, и мы смотрели друг на друга с недоумением, затем я непроизвольно выпалил: «Привет, как дела?».

– Grazie, va bene cosi! – ответили они практически одновременно, и я их понял.

Странно. А чего странного? Такое я уже проходил, когда в первый раз свалился «с неба».

Я спросил детей, что за деревня вдали, они ответили, что это Condofuri, и речка возле неё носит такое же название. По этому названию и по звучанию языка я догадался, что мы очутились в Италии. Осталось понять, в какой её части.

Я спросил детей, как их зовут. Оказалось, что девочка – Мелайора (в дословном переводе «лучшая во всём»), а мальчик – Мариус (дословно «настоящий мужчина»). Я представился как отец Поль и рассказал, что мы с отцом Анри попали в беду. Мариус наказал сестре отвести меня к их матери, а сам решил остаться стеречь овец на берегу.

Я поблагодарил парня и послушно засеменял за девочкой в сторону деревни. Уже минут через пятнадцать-двадцать

мы подошли к дому, из его двери вышла женщина лет тридцати. Она поклонилась мне, я сразу попросил воды и начал хлебать, как загнанный конь.

Затем, отдышавшись, я рассказал женщине, что мы пришли издалека, что на нас напали, обобрали, избили, и что мой коллега нуждается в неотложной помощи. Она была крайне удивлена, потому как давно не слыхала о разбоях, тем более в этих местах. Женщина сказала, что её зовут Карин, а ее мужа Двейн, через минуту он вышел из-за сарая с вилами. Я испугался и попятился, но она успокоила меня и попросила мужа помочь Анри.

Двейн поставил свой шанцевый инструмент, и мы через пару минут уже шагали в сторону виноградника. Девчонка, опередив нас, поспешила к брату. Я попросил у Двейна нож, который увидел у него в брюках. Он протянул мне его, и я нарезал около двадцати прутьев из орешника, мимо которого мы проходили.

Я издалека увидел, что Анри сидел в той же позе, в которой я его оставил. Подойдя к другу, я объяснил итальянцу, что у моего товарища сломаны обе руки, нужно как можно аккуратнее положить его на землю. Двейн взял Анри под руки, слегка приподнял его, а я вытянул ноги друга вперёд, и мы положили его на землю. Анри потихоньку приходил в себя, лицо его уже обгорело на утреннем солнце, я достал из сумки кусок ткани и укрыл голову друга.

– Двейн, я прошу Вас вернуться, и если есть крепкое ви-

но, то срочно принесите! И какого-нибудь жира или сала! – попросил я местного жителя.

Он кивнул головой и рванул так, как не носят даже спортсмены из моего XXI века, грязь летела у него из-под ног, как из-под колёс внедорожника. Уже минут через пятнадцать итальянец был около меня. Он бежал практически без одышки, видимо, цену табака не знал. В руках у Двейна был кожаный мешок с вином и небольшой глиняный сосуд с коричневым жиром.

Анри пришёл в сознание, и я попросил его не шевелиться, но только приподнять голову, чтобы мы могли залить ему в рот вина. Он удивился, и мне пришлось рассказать ему, что у него сломаны обе руки, нужно наложить гипс.

– Знаешь, Поль, я не могу уже ничему удивляться, делай что должно! – сказал Анри и широко открыл рот.

Я поддержал его голову, а итальянец начал вливать вино. Анри глотал-глотал, пока не прошептал, что больше не может, и уже минут через пять заснул.

Я снял с себя верёвку, которой был подпоясан, распустил её на тонкие верёвочки, затем стал обкладывать прутьями одну руку друга. Двейн помогал держать прутья и прижимать их к руке. Затем я в трёх местах стянул прутья верёвочками, так получился довольно крепкий каркас. То же самое мы проделали и со второй рукой. Я брал глинистую мокрую землю и мял её, пока она не стала напоминать некое подобие замазки. После этого стал осторожно обмазывать ею сотво-

ренный нами каркас. Получалось довольно недурно, и уже через полчаса у Анри на обеих руках были роскошные гипсы, а его загоревшую голову я намазал жиром.

Итальянец снова убежал и скоро вернулся с небольшой телегой, в которую был впряжен ослик. Мы погрузили туда моего друга и наши заплечные сумки. Уже через полчаса мы остановились возле дома наших новых знакомых, и я попросил их помочь привести в порядок Анри, так как он обделался.

Хозяева дома ответили, чтобы я не беспокоился, что они всё сделают сами, и я с легким сердцем отправился подальше за излучину реки привести в порядок себя. Раздевшись догола, я нагнулся и стал разглядывать своё тело в отражении.

Если честно, я себя не узнавал. В молодости я занимался атлетикой, а позже восточными единоборствами. В общем, всегда был спортивным и подтянутым. С того времени как я обосновался здесь, мой режим питания нарушился, о белках с жирами и углеводами я позабыл, да и мои пешие прогулки с физическим трудом умножились кратно. Всё это привело к тому, что жир покинул меня. Короче говоря, тело моё превратилось теперь в статую греческого бога. Видимо, не случайно тогда обратила своё внимание та прекрасная девушка с большим бюстом на довольно немолодого атлета в рясе.

Предавшись приятным воспоминаниям, я закашлялся. Затем помылся в реке, благо было тепло, простирнул свои вещи, включая рясу. И пока всё сохло, я в полудрёме нежил-

ся нагишом в кустах в тени, хотя всё тело и болело.

К вечеру я вернулся к итальянцам, все были в сборе – и хозяйева, и дети. Мне рассказали, что товарища моего помыли, постирали все его вещи, кроме рясы, так как она была слишком уж тяжела. Я ответил, что рясы специально с утяжелением, что это такое у нас послушание, и что я сам потом её приведу в порядок.

После этого я достал три золотые монеты, но хозяйева ни в какую не хотели их брать. В итоге мы пришли к компромиссу: итальянцы взяли монеты, а я согласился погостить у них, пока Анри не выздоровеет.

Друг мой был в сарае. Он лежал, раскинув руки в стороны, укрытый одеялом из лоскутов, возле него были его вещи, крест, на бочке горела толстая свеча.

– Поль, где мы? – тихо и хрипло спросил Анри.

– Насколько я понял, мы в Италии, только не знаю, в какой её провинции! – ответил я и стал укладываться рядом.

– М-да, жить становится всё веселее и веселее! – ответил мой друг и тяжело вздохнул.

Мы заснули, так, по-видимому, началась наша теперь уже итальянская, прости Господи, жизнь.

Я осмотрел наши вещи, всё было на месте: и сменные одежды, и пошитые Анри трусы, и подштанники. В сумке друга была маленькая баночка с вонючим клеем, и я подремонтировал наши ботинки. Анри похвалил меня за мастерство. В его сумке я обнаружил совершенно новый свиток и,

достав его, показал другу. Он попросил развернуть свиток, что я послушно и сделал. Это была грамота, новая грамота, в которой было написано, что мы монахи-пилигримы, которым поручено находить и записывать различные свидетельства о христианских чудесах и доставлять их до хранилищ святого Престола. Анри прочел ещё, что мы теперь выходцы из монастыря Эремо делле Карчери, что в Ассизи. По преданию, здесь был скит Франциска Ассизского. Была в сумке и другая карта, увидев её, Анри выпучил от удивления глаза.

– Брат, мы направляемся в Рим! – взглянув на меня, объявил он.

Я непроизвольно перекрестился, догадываясь, кто мог подложить новые «документы».

Молва о том, что у одной из семей гостят два избитых разбойниками монаха, быстро разлетелась по округе, к нам стали приходить любопытные жители Condrofuri. Однажды зашёл служитель местной общины, но поняв, что мы не очень общительны, больше не приходил. Мы были осторожны в беседах с гостями, больше спрашивали, чем сами давали ответы.

Выяснилось, что местные виноградники принадлежат римским церковникам, и что два раза в год виноделы отправляют в Вечный город большой обоз с лучшими сортами вина. Не менее важным оказалось знание о том, что на дворе было уже начало лета 1503 года. Радости это нам не прибавило. святым Престолом сейчас правил Александр VI, и мне

это ни о чём не говорило. Но когда хозяева шёпотом называли его «чудовищем разврата» и «аптекарем сатаны», я вспомнил, что так народ называл Борджиа, того самого Борджиа, о котором я читал в молодости, а затем смотрел сериал по TV, и меня бросило в жар.

«В нехорошие времена мы тут шляемся» – размышлял я про себя. Анри загрустил ещё больше, ведь историю Запада он несомненно знал отлично и рассказывал вещи, от которых тошнило.

Я подружился с хозяевами дома, где мы обосновались, помогал им по хозяйству. Научился косить траву и пасти за скот. Затем Двейн стал учить меня плотницкому делу, я смастерил две табуретки и выстругал толкушку для ступы. Хозяева непрестанно меня хвалили. Единственное, к чему меня не подпускали – к виноградникам. Нельзя было, так как мы чужаки, а чужим нельзя, и всё тут, за владениями строго следили надсмотрщики от землевладельца. Ну да ладно, ведь я и так много чему научился. За что я только не брался! Всё получалось довольно быстро, и на удивлённые расспросы моих новых друзей я отвечал: «Если человек талантлив, то он талантлив во всём».

К Анри была приставлена женщина по имени Луиза, вдовушка из дальних домов. Хозяйства у неё не было, и она перебивалась различной работёнкой, а тут как раз у нас «инвалид» образовался, вот она за небольшую плату и ухаживала за ним. Ну, в общем, как водится, доухаживалась: однажды,

вернувшись с реки с уловом, я застал её сидящей и стонущей на Анри, а он лежал, широко раскинув руки в «гипсах», и кряхтел от удовольствия, закрыв глаза. Я вылетел как ошпаренный, слава Богу, они меня не заметили. Попросив хозяев, я переехал в чулан в доме, сказав Анри, что так будет лучше. Он покраснел, но ничего не ответил.

Через месяц с небольшим я снял с его рук свои изобретения. Руки помыли, от них ужасно воняло. Я научил Луизу массажу, и она с удовольствием проводила сеансы моему другу. Моё же мастерство росло, и я очень гордился собой. Я плотничал, научился плести корзины из лозы и даже доить коз.

Анри по вечерам обучал местных детей грамоте, сам наделал перьев и из сажи намешал чернил. Правда, местный padre смотрел на нас косо, и я боялся, что на нас кому-нибудь донесут, но этого не происходило, наверное, потому что по вечерам мы громко пели псалмы, а я делал это громче всех.

Так мы тут жировали полгода, и когда я увидел, что руки Анри почти зажили, мы, переговорив, решили, что пришла пора уходить.

– Анри, на днях уходит обоз с вином и сыром в Рим, уходим с ними, а то как бы ты тут не женился! – сказал я, когда мы сидели на берегу.

Все засмеялись.

– Да, мой друг, пора! – ответил Анри, кряхтя.

Он встал и ушёл, а я остался сидеть, глядя на течение ре-

ки. Я сидел и думал о доме, только почему-то без слёз, видимо, потому что я стал человеком уже не того времени и не той истории. Я уже и не мечтал встретить старость в объятиях родных мне людей. Проведя столько времени на чужбине, я невольно начинал ловить себя на мысли, что считаю это место своим новым домом, хотя дома-то у меня здесь и не было.

Прощались все со слезами. Я долго и крепко стоял и жал руку хозяину дома, а Мелайора и Мариус громко выли. Анри и Луиза долго обнимались, все понимали, что монашество, обеты там, но с жизнью не поспоришь. Я достал из глубокого кармана две собственноручно сделанные дудочки и дал детям, иных подарков у меня не было.

– Я знаю значение имён ваших детей, а вот вас так и не спросил! – сказал я Двейну и Карин.

Карин сказала, что она светловолосая, и её имя означает «целомудренная, чистая и белая», а так как Двейн тёмный и черноглазый, то он «тьма, чернота». Мы рассмеялись и попрощались, обещаясь когда-нибудь встретиться. Я и Анри договорились не оборачиваться и быстро зашагали. Двейн пошёл нас проводить. Шли мы километров пять и успели вскочить в последнюю большую повозку практически на ходу.

– Grazie fratello! – закричал я, и мы помахали руками.

Двейн прокричал те же слова и скрылся в пыли дороги.

Вот и в путь, и что ждёт нас там впереди – никто не знает.

Я приобнял старого друга и запел негромко: «Сказала мать, бывает всё, сынок, быть может, ты устанешь от дорог...»

Глава 5

На север

Итак, мы двинулись с караваном провизии в неизвестность. Мы знали, что находимся в Италии, что на дворе 1503, прости Господи, год, что нам нужно попасть в Рим, но вот зачем – пока было непонятно. Точно как там, во Франции.

Правда, это была не совсем та Италия, к которой мы привыкли. В начале XVI века она представляла собой отдельные суверенные королевства. Мы оказались в так называемом Неаполитанском королевстве, что на юге «сапога», а ехали мы в Папскую область. Мне, конечно, всё это было до звезды, я был зол, поэтому поначалу грязно крыл всех и всё на чем свет стоит. Слава Богу, возница нам попался глухой, он только мычал и улыбался. Это было неплохо ещё и потому, что мы с другом могли говорить на любые темы, ссориться и петь.

Обоз состоял примерно из тридцати кибиток, доверху наполненных бочками и едой. Бочки и тюки с провизией были обложены большими ледяными плитами, и так как таял лёд быстро, его запасы приходилось пополнять в каждом населённом пункте на нашем пути.

– Как тут всё хорошо налажено! Наверное, есть специальные подвалы под землей, чтобы готовить лёд! – предположил Анри и почесал пыльную голову.

– Я полагаю, что ты очень прозорлив, мой немолодой друг, и неплохо знаешь историю! – весело ответил я.

– Тебя разбирает? А чему ты, собственно, радуешься? Мы опять неизвестно где, непонятно куда и зачем едем! А-а-а, наверное, на какое-нибудь задание! – оживился Анри и поёрзал.

– Не могу знать, в конце концов, ты Проводник, вот и веди меня по назначению. И вообще, я хочу есть! – сказал я, с важным видом закинул руки за голову и откинулся назад, насвистывая «Марсельезу».

Первым городом, в котором мы остановились на целые сутки, был Санта-Мария-Маджоре. Ничего примечательного, деревня и деревня. Одно порадовало – построили город этруски. Я тут же срифмовал: «русский-этруски». Поговаривали, что этруски тут много чего построили, вплоть до самого Рима. Но всё это использовалось как дача Роберта Анжуйского, мать его побери.

Мы сели покушать в местной забегаловке, где напоили одного парня, он рассказал нам об истории этой местности. Анри в благодарность дал ему монетку, местный был так счастлив и так пьян, что битый час клялся нам в вечной верности, только кормите копчёными бобами со свиной и поите добрым вином.

Сытые и весёлые мы наведались к местному священнику, отцу Павлу. Наплели ему, будто держим путь из Палестины в Рим, он этому несколько не удивился. А может, не расслы-

шал (был туговат на оба уха). Спать он оставил нас у себя, и мы после пения псалмов улеглись на лавки возле амбара, благо было тепло.

Я попробовал подумать о семье, но всё было тщетно, видимо, воспоминания о близких и вообще о моей прошлой жизни были спрятаны в глубине моего разума или запреты в тайном ларце моего сердца. Даже слёз уже не было. Но появилось ощущение предвкушения чего-то нового, важного. Казалось, что заперев воспоминания о доме в дальний сокровенный уголок сознания, я освободил место для чего-то нового, для новой информации, знаний. Я словно обновился. А может, спятил. Хотя не похоже. Вот так я практически до первых петухов и провалялся в размышлениях о всякой всячине, глядя как Анри сначала храпел, а потом уже ворочался и начинал потягиваться, просыпаясь.

Мы встали и, умывшись из бочки с дождевой водой, двинулись к обозу. Все ещё дрыхли, за исключением стражников. Эти засранцы зря время не теряли, они не столько охраняли обоз, сколько кувыркались с местными девицами.

– Святые отцы, отпустите нам грехи, а то нам эти лярвы не дали ни на минуту глаз сомкнуть, так и тянут за собой в ад! – воскликнул один из стражей, натягивая штаны, и все расхохотались.

Анри плюнул на землю, а я, молча перекрестив их, поправил рясу и засеменил за своим другом. Стражники ещё пуще развеселились и заулюлюкали нам вслед.

Главный страж посчитал количество лошадей и повозок, затем, осмотрев охрану и возниц, крикнул: «Трогай!». Вереница обозов двинулась в путь с запасами провианта и факелами, мы же привычно уселись к нашему глухому вознице.

По пути наша стража отбила два нападения шаек разбойников, заколов и перерубив нападавших, один раз на нас напали люди восточной внешности. Позднее Анри пояснил, что Европу несколько веков осаждали и тиранили воины ислама, пока их всё же не одолели рыцари севера – страшные были времена.

Из наших погибли пять человек, их похоронили возле дороги, и нам пришлось помогать отпевать их вместе с отцом Марком, что был на первой телеге во главе обоза. Я привычно молчал и только подавал и приносил необходимое, а мой друг умудрялся что-то бубнить, хотя чему я удивляюсь? За то время, что мы здесь, можно было и зайца научить курить. Через несколько дней мы добрались до городка Cosenza на западе Италии. Планировалось пробыть тут сутки как минимум, чтобы сменить лошадей, подковать их, да и отдохнуть не мешало.

Чтобы особо не светиться, мы вместе с отцом Марком поспешили в монастырь капуцинов и, предъявив грамоту настоятелю Пьетро Фьорделизо, остались на ночлег. Анри кинул в ящик для пожертвований пару монет, увидевший это настоятель отнёсся к нам крайне великодушно и усадил за ужином напротив себя.

Мне было любопытно, почему Пьетро Фьорделизо не удивился, что мы идём из Палестины. Странно.

Нам выделили келью для гостей, и мы улеглись на довольно жёсткие кровати. Я выразил недовольство, но Анри успокоил меня: «Это чтоб думалось о Боге, а не о бабах и харчах».

– Ты гений, отец Анри! – ответил я и отвернулся к стене.

Хотя спать не очень-то и хотелось. Я лежал и думал о том, что может ждать нас впереди. Никому сие неведомо, в этом-то и весь смысл жизни: принимать то, что дается. А не принять не выйдет, мир так кем-то устроен. Я тут же вспомнил избитую фразу Уильяма Шекспира: «Быть или не быть, вот в чём вопрос». Это-то как раз и ясно, что есть вопрос, а где ответы? Вот где загадка кроется. Тут мне вспомнилось «Откровение Иоанна Богослова», «книга за семью печатями», «всадники Апокалипсиса» и «пропасть меж праведниками и грешниками»... В раздумьях я в конце концов провалился в небытие.

Встали рано, пришлось отстоять мессу, исповедаться, причастится, а уж затем только поесть. Мы поблагодарили отца Пьетро и его братию, откланялись и удалились в город к своим спутникам.

– Отец Анри, нам не мешало бы помыться да и бельишко простирнуть, а то даже собак тошнит, так они от нас шаркаются и убегают! – сказал я и поморщил нос.

Анри согласился со мной. Наш бивак находился недалеко от центра города, мы подошли к базару, возле которого си-

дел вековой старик. Анри решил с ним побеседовать и спросить, где здесь можно сполоснуться. Дед косо посмотрел на нас и спросил, нет ли для него монеты. Анри дал ему медяк, и старик рассказал, где находятся городские бани, и как добраться до них.

Спустя несколько минут мы уже стояли на пороге заведения, путь нам преградил бородатый, похожий на Будулая, сеньор с кольцом в левом ухе. Мой спутник сказал, что мы хотим помыться, а я почесал себя обеими руками, изображая что сил больше нет, скорей бы уж. Анри дал сеньору два медяка. Тот даже не взглянул, что ему сунули, вручил нам по большой тряпке (видимо, полотенца) и указал куда идти. Мы быстро скинули с себя все вещи и бросили их в чан с водой прямо вместе с зашитыми монетами, а скорее с их остатками. Я блаженно, сидел и наслаждался жизнью в баке тёплой воды, а Анри вышел на минуту и вернулся с куском душистого ливанского мыла, заплатив за него серебряной монетой. Он рассказал мне, что и в наше с ним время настоящее ливанское мыло стоит очень дорого.

Спешить было некуда, и мы почти полдня просидели в этом удивительном месте. Помылись и постирались, даже неплохо закусили блюдами местной кухни. Вышли мы на улицу практически святыми. Чистоту наших тел и помыслов было видно, наверное, вёрст за десять, не меньше.

Мы стояли напротив церкви San Domenico, меня что-то дёрнуло, и я, расставив руки в стороны, произнёс:

«Господь – Пастырь мой; я ни в чём не буду нуждаться:
Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам
тихим,

подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды
ради имени Своего.

Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла,
потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успо-
каивают меня.

Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих;
умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена.

Так, благость и милость да сопровождают меня во все дни
жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни».

Я очнулся и услышал громкое: «Аминь!». Это крикнул
священник, стоящий у распахнутых дверей на ступенях
церкви. Перед нами в безмолвии стояла толпа, да и Анри не
дышал и не моргал, глядя мне в лицо. Его глаза были пол-
ны слёз, но они не вытекали, а образовали на зрачках моего
друга большую линзу из солёной воды. Анри сморгнул, и всё
мгновенно вылилось из его глаз, он обтёр щёки и схватил
меня за рукав рясы.

– Если бы это было в государственной парижской опере
Palais Garnier, то я громче всех орал бы: «Браво маэстро»!
И бросил бы самый большой букет в мире! – дрожащими
губами проговорил мой друг.

– Отец Анри, а что случилось? – с непониманием спросил
я, посмотрев на Анри, и огляделся по сторонам.

Кто плакал, кто шептал «Отче наш», кто-то опустил на колени, а кто-то просто стоял, широко раскрыв глаза.

– Ты прочёл наизусть 22 псалом, псалом царя Давида, да так громко, на всю округу! – промолвил Анри.

– Да ладно, я его не учил никогда, прочёл раза два-три... Как это может быть? – удивился я и пожал плечами.

Народ заорал: «Благослови Отче, благослови Отче». «Аминь!» – прогремело возле моего уха. Это сквозь толпу к нам пробрался священник, его звали отец Лука, и утащил нас в храм.

Народ ещё какое-то время покричал да и разошёлся. Отец Лука привёл нас к себе, приказал службе принести что-нибудь поесть и вина из «священных запасов». Мы вначале отказались, а затем решили выпить за здоровье, так сказать.

Отец Лука с пристрастием расспрашивал, кто мы и откуда. Мы рассказали, что пришли из обители с юга, а теперь из Палестины движемся в Рим. Священник очень удивился, зачем мы совершаем такое долгое путешествие и петляем, если от Палестрины до Рима рукой подать. После такого допроса мы наспех дожевали предложенную снедь и откланялись, сославшись на дела, в общем, убежали. Придя к своим попутчикам, мы подошли к одному из возниц и расспросили его про Палестрину. Он сказал, что этот город находится совсем недалеко, чуть восточнее Рима. Теперь ясно, почему все, кто спрашивал, откуда мы идём, не сильно удивлялись.

– Палестина и Палестрина, как скажешь, так и поймут, –

пробормотал я, Анри кивнул.

Мы решили остаться при обозе и больше не отлучаться, во всяком случае, пока что. Заночевали под телегой, укрывшись шкурами, а утром чуть свет двинулись в путь. Через несколько дней мы были уже в Салерно, в бухте Тирренского моря. Немного помня географию той местности, я понимал, что следующий большой привал нас ждёт в Неаполе.

В Салерно мы не задержались. Видимо, из-за того, что запасы льда не сильно истощились, начальники приняли решение следовать дальше. Анри сбегал на базар и набрал в дорогу фруктов, прикупив заодно кусок ветчины и хлеба. В общем, в пути до Неаполя мы пировали. На привалах у костра мы слушали песни и рассказы про выпивку, кто кого и когда прижимал и любил. Над нами подшучивали, ведь мы старательно изображали удивлённые лица, облачение обязывало. Вот только знали бы рассказчики наши истории!

Через несколько дней мы вошли в Неаполь, у меня в голове сразу заиграла музыка, я шёл и невольно напевал «Челиту», за что получил от Анри кулаком в рёбра и быстро умолк. Обоз остановился у порта, отовсюду то и дело доносились напевы мандолины и иногда гуслей, удержаться было невозможно, ноги сами пускались в пляс. Молодые цыганки сновали тут и там, ища своих жертв, но косо глядели на нас и даже не пытались подойти. Возле таверны я увидел старого шарманщика и, смеясь, посмотрел на Анри, вспомнив «Золотой ключик». Мой друг всё понял и мимикой передразнил

меня, я расхохотался и повалился на шкуры в телеге.

Стефано, главный охранник обоза, сказал, что в городе мы пробудем сутки, и посоветовал не пропадать. Мы с Анри отправились искать баню и место, где можно было перекусить и переночевать. Нашли быстро, но прежде чем туда войти, Анри выпорол остатки денег из наших порядком потрепанных ряс. Труссы поизносились, обувь тоже пришла в негодность, в общем, мы решили после помывки и постирушек пойти и обновить наш гардероб. Деньги ещё оставались в сандалиях, но мой друг сказал, что их мы опустошим ближе к Риму, заодно переобуемся в новое. На том и порешили, помылись, как дворяне, а пока прачки приводили в порядок нашу верхнюю одежду, мы покемарили в медных чанах, как обезьяны в горячих источниках у подножия горы Фудзи.

Надо сказать, что прачки на славу постарались: все дырки были заштопаны, и в некоторых местах поставлены довольно приличные латки. Мы щедро рассчитались с банщиками и рукодельницами-прачками и нырнули в симпатичную портовую таверну, чтобы дать нашим желудкам попить местной снедью. В этом путешествии мы стали довольно избалованными: баня, прачки, далеко не аскетичная пища...

– Отец Поль, а тебе не кажется, что мы с тобой обнагле-ли? – словно вторя моим мыслям, задал вопрос отец Анри, запивая вином морского окуня.

– Не то слово, осталось только, чтоб какие-нибудь мест-ные цыганки уволокли нас в номера. Будет полный фарш.

Так у нас говорят! – ответил я и громко икнул.

Мы смеялись, и я поймал себя на мысли, что мне очень хорошо. Да, именно хорошо. Мне никуда не надо было спешить, я ничего не решал. Мы сыты, одеты и обуты, у нас денег в достатке, и нас, слава Богу, не убили и не сожгли. В здании, где мы сидели и ели, находился местный лупанарий, и когда мы, расплатившись, вышли на улицу, нас быстро окружили местные «волчицы».

– Побойтесь Бога! – это всё, что успел крикнуть Анри, до того как нас подхватили под руки и уволокли на второй этаж дома, в котором мы ранее пировали.

Я пикнуть не успел, как оказался в комнате с большой кроватью. По шороху понял, что мой друг был где-то рядом, наверное, в соседней «каюте».

Я подумал, что нас как-то подозрительно быстро взяли в оборот, видимо, кто-то заприметил, как мы тут жиреем, и доложил куда следует, вот нас быстро и оприходовали. В комнату вошла знойная кудрявая девица лет тридцати, её грудь едва прикрывало декольте до пупка, она уселась на койку, ухватила одной рукой меня за грудки, и я оказался над ней, даже не успев опомниться. Её перси немалых размеров развалились в разные стороны, ногами она обхватила меня за бока, и я, оказавшись в такой ситуации, нервно сглотнул, ощущая себя девственником.

– Пожалуйста, давайте не будем, я просто дам Вам денег, и мы будем спать, я ведь уже не мальчик, чтоб так бороться! –

не очень внятно пролепетал я.

Она обмякла, взгляд её поменялся.

– А Вы никому не скажете? – вдруг совсем нежным голоском спросила она и смущённо улыбнулась.

– Конечно, дитя моё, да и говорить собственно некому, да и незачем! – отвечал я, с некоторой неловкостью и неуклюжестью слезая с неё.

Она ответила, что у них свирепые хозяева, и если что, то беды не миновать. Я сказал, что дам монету для них, и её не обижу денежкой, но только при одном условии: я лягу на правый бочок, а она, будет рассказывать мне про свою жизнь, про жизнь своих родственников, про этот удивительный город. Я буду внимательно слушать и, может быть, даже немного вздремну. Она обрадовалась, и её понесло. Мне даже пришлось осечь барышню, уж больно громко она начала говорить на радостях.

Девушку звали Илэрия. Что означало «радостная, счастливая». Я ответил, что счастье есть, его не может не быть. Улёгшись поудобнее, подложив обе ладони под щеку, как ребенок, я стал слушать дальше. О чём она говорила, я уже сейчас и не помню, девушка бубнила и бубнила, а я всё слушал и слушал.

...Мне снилось, будто я плыву на своей огромной яхте под звучным названием «Santa Luchia», мне прислуживают всякие красавицы-мулатки, вентилятор обдувает моё загоревшее тело, а по радио «Маяк» звучит радионовелла на тему

«Неаполитанские слёзы». Мне было хорошо и беззаботно, мы проплывали вдоль какого-то берега, с него мне платочками махала моя семья в полном составе, а я, вскочив и оттолкнув негра с подносом вина, подбежал к перилам, что-то крича им, но они меня не слышали. То ли я тихо кричал, то ли слишком громко звучала передача из радиоприемника «Спидола».

Потом мне снились какие-то горы, затем города с пальмами и музыкой, громко хохочущий Анри, перебиравший и пересчитывающий кучу золотых монет. И тут неожиданно мне прямо в лицо закукарекал здоровенный петух...

Я проснулся, у меня в объятиях спала Илэрия, я держался за её грудь, она же сопела и чмокала во сне. Сев на кровати, я потянулся и, обув сандалии, вышел из комнаты. Присмотревшись, в полумраке нащупал ручку двери соседней комнаты, вошёл в неё. Там в объятиях двух женщин лежал «отец» Анри, увидев меня, он улыбнулся. Я изобразил знаком, что мне нужны деньги, и он указал на свою кожаную сумку. Оттуда я достал несколько монет и ушёл, сказав другу, что буду ждать его на улице.

Вернувшись в свою комнату, я сел на кровать возле девушки и потрепал её за плечо, она проснулась и, улыбнувшись, потянулась. В её ладонь я вложил четыре монеты, девушка испугалась, ведь сумма была приличной.

– Это за рассказ, он был удивительным – успокоил я её и поцеловал в щеку.

Илэрия погладила меня по щеке, и я ушёл. Выйдя на улицу, я смахнул слезу с заросших щёк, вспоминая только что увиденную во сне семью. Хотелось выть от бессилия и обиды, но нет, я уже научился быть жестоковейным и мог контролировать эмоции.

– Бог даст, свидимся ещё, – прошептал я и уселся по большой нужде организма за углом возле кучи камней и всякого хлама.

Минут через десять вышел Анри, и мы двинулись в сторону стоянки обоза. Подготовка к отъезду шла полным ходом. Грузчики складывали большие плиты льда вокруг продовольствия и вина, поверх льда клали и плотно спрессовывали тюки сена и соломы.

Проходя вдоль телег, Анри прокричал: «Во имя Отца и Сына, и Святого духа!». Впереди послышалось: «Аминь!». Это, видимо, отец Марк вторил нам, и я успокоился. Мы узнали, что отправляться будем часов через пять, и я предложил Анри сгонять в одно место. Я быстро нашёл того, кто нас отвезёт в сторону вулкана Везувия за пару медяков, и уже через час мы были на берегу моря, а перед нами величаво высился грозный Везувий и как бы покуривал, глядя на нас.

– Поль, а зачем мы сюда приехали? – подняв брови, спросил Анри и огляделся.

– Друг мой, мы с тобой стоим прямо на развалинах Помпеи, того самого города, который практически мгновенно погиб вместе с огромным количеством человек. Под нами

шесть метров пепла, спрессованного веками, а ещё ниже тот самый величественный некогда город, воспетый в балладах! – стоял и, глядя на вулкан, рассуждал я.

– Хорошо, что ты неплохо знаешь некоторые части истории, но всё же зачем мы здесь? – сделал удивленное лицо Анри и подбоченился.

– Да неужели ты не понимаешь, что отказать себе в этом удовольствии я не могу? Я стою на Помпеях, это тебе ясно? – скрестив руки на груди, тряс головой я.

– А не слишком ли много удовольствий, дорогой мой друг? Вот, например, сегодня ночью!.. – всё больше расхохотался Анри.

– Ночью я спал и смотрел красивые сны! – холодно ответил я.

– Ну-ну, охотно верю!

– В отличие от тебя, я действительно спал, а удовольствия наши с тобой, заметь, происходят не по нашим хотелкам и велелкам, а по соизволению кого-то или чего-то, не забывай об этом! – разнервничался я, указывая пальцем в небеса.

Я предложил Анри не ссориться, а любоваться красотой, потому как в наше время этой красоты, увы, уже нет. Мы обнялись, похлопали друг друга по плечам и неспешно двинулись к дороге, где, храпя на всю округу, нас ожидал нанятый нами «водитель» кобылы. По прибытии в порт мы сели в тенёк и, когда прозвучала команда к отправлению, привычно пригнздились на своей повозке.

Не успели мы тронуться, как зазвонили колокола. Мы узнали, правда с большим опозданием, что Папа Александр VI (Родриго Борджиа) умер 18 августа, и на престол был избран Папа Пий III, который, правда, 18 октября тоже умер. На святой Престол взошёл теперь уже Юлий II.

– Надеюсь, что он ещё не умер, мы скитаемся чёрт знает где, а папы мрут как мухи! – шёпотом сказал я, и мы захихикали, как дети.

Наш обоз двинулся в сторону Рима. Пару раз на нас нападали арабы, и три раза мы становились свидетелями де-лишек инквизиторов. Они сожгли двух старух и одного парня, якобы за полёты в ночи. Описывать это зрелище не имеет смысла, а вот в боях против арабов мы с моим другом поучаствовали, как это ни прискорбно. Возле нас пали двое охранников, и нам ничего не оставалось, кроме как схватить оружие и встать спина к спине. Анри поразил одного, а я трёх разбойников. Жуть, вспомнить страшно. Убить человека – это, наверное, самый отвратительный поступок. Стефано, хотя сам был сильно ранен и еле стоял на ногах, похлопал нас по плечам, поздравил с крещением в бою и пообещал о нашей храбрости доложить кардиналу.

Мы двинулись вперёд, и я почувствовал непреодолимое желание взглянуть на гору. В лучах солнца я увидел его, нашего знакомого всадника. Он был на том же белом коне, почти всё лицо его закрывала маска. Не успел я ткнуть Анри локтем в рёбра, как мой спутник, опередив меня, сказал, что

тоже его видит. Через секунду мы вновь посмотрели туда, но таинственного наблюдателя на горе уже не было.

Я попросил Анри проверить наши пожитки. Он ответил, что грамота на месте, карта на месте, мешочек с монетами на дне сумки, а оставшиеся монеты – в сандалиях. Мы поехали дальше. И через неделю уже стояли перед воротами Рима.

Глава 6

Вечный город

Почему-то сменился конвой, и нас повели вначале по главной улице, а затем направо по узким улочкам. Там было нечто похожее на продовольственную базу, просто столпотворение людей и лошадей. Кто-то только вставал для выгрузки товаров, а кто-то разгрузился и под недовольные окрики вновь прибывших спешил освободить место.

Здесь была жуткая вонь: воняло вперемешку продуктами и дерьмом. Я осмотрелся и заметил, что человек, стоящий чуть поодаль, указал на нас пальцем незнакомцу в капюшоне и сопровождающим его четырём стражникам. У меня холодок пробежал по спине. Я толкнул и потянул за руку зазевавшегося Анри, и мы двинулись туда, где было больше людей, чтобы затеряться в толпе. Что-то внутри меня подсказывало, что нужно сделать именно так.

Так мы по дерьму и грязи чуть ли не по колено пошли, как говорится, в народ. Я уже порядком отвык от такого количества людей и пробирался с трудом, оглядываясь и озираясь по сторонам.

– Что случилось, друг мой, куда мы так заспешили? – зашебетал Анри, и я объяснил ему, прихватив за рясу, что за нами следят.

Мы попетляли по нешироким улочкам и, убедившись, что

«хвоста» нет, неспешно пошли в сторону большой площади. Уже перед самым выходом на площадь из-за угла вдруг вынырнул человек в капюшоне с двумя охранниками. Позади нас возникли ещё двое стражников.

– Куда вы так заторопились, святые отцы? Кто вы и откуда? – сильным голосом спросил незнакомец и снял свой капюшон.

Это был человек лет тридцати, сухощавый, с мощными руками. Его взгляд был пронизывающим. «Как у Феликса Дзержинского» – подумал я.

– Я отец Анри, а это отец Поль, мы с юга! Мы пришли из Эremo делле Корчери, что в Ассизи, поклониться святому Престолу! Жизнь движется к закату, когда ещё представится возможность! – ответил мой друг и поклонился, затем подал грамоту человеку.

Человек взглянул на Анри исподлобья и, взяв в руки свиток, впился в него взглядом. Затем, не поднимая головы, представился. Он оказался местным кардиналом Чезаре.

– И много ли чудес вы нашли для святого Престола? Я так понимаю, поиск святынь – это ваше послушание? – как-то резко вдруг спросил Чезаре.

– Ищем, Ваше Преосвященство, ищем, только начали! Тут напали на след Копья Лонгина, хотели благословиться и двинуться в путь! – сходу сочинил Анри.

– Таких искателей тут много: половина уже на рудниках ищет, а с другими суд инквизиции более основательно пора-

ботал! А почему второй не говорит? – спросил кардинал и пристально посмотрел мне в глаза.

У меня ноги ослабли, и захотелось пописать.

– А он не может, у него обет, обет молчания, Ваше Преосвященство! – выпалил, не задумываясь, мой друг и покраснел.

– Мы должны всё проверить, много шпионов, знаете ли. Арабы всё никак не угомонятся... В общем, тревожно сейчас, время такое! Ладно, ведите их пока в предварилровку, а я позже скажу, что с ними делать. Посмотрим, может, второго придется разговорить! – приказал кардинал, и нас поволокли (именно поволокли) четверо крепких лбов, перед этим накинув нам на головы мешки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.